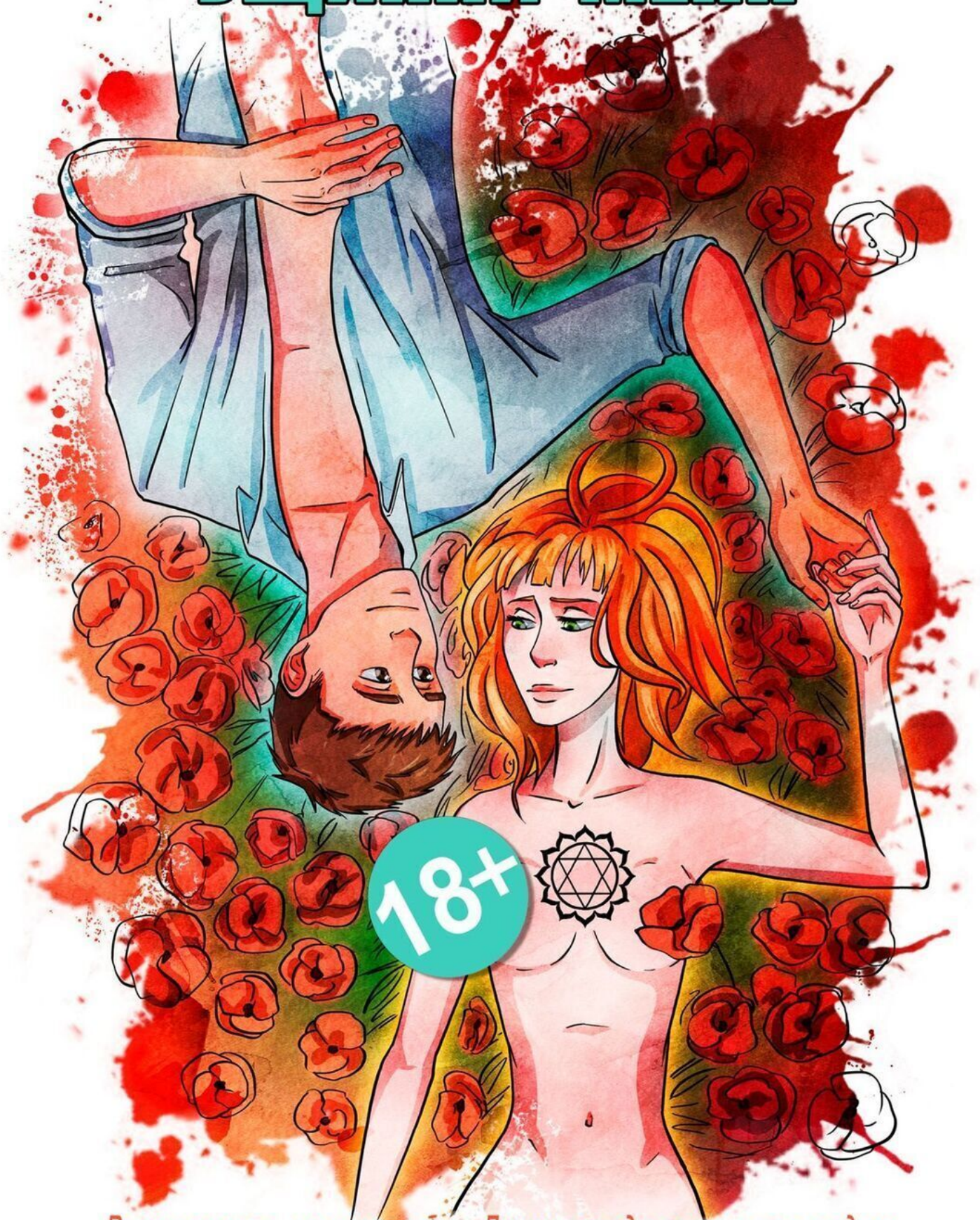

Наталья Винокурова
УЩИПНИ МЕНЯ

Расстанутся только тела. Души всегда остаются рядом...

Наталья Винокурова

Ущипни меня. Сказка на ночь

«Издательские решения»

Винокурова Н. Е.

Ущипни меня. Сказка на ночь / Н. Е. Винокурова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832154-2

На первый взгляд, Максим Серов — обычный офисный менеджер, и никто из его коллег не догадывается о том, какие вещи этот скромный молодой человек умеет вытворять ночью в постели. Причём не только наяву. Во сне он летает в астрале, видит будущее, потусторонних существ, ауру людей и даже встречает любовь. Одно «но»: реальный мир вокруг него стремительно рушится. Макс теряет девушку, работу, покой и здравый рассудок. Взмолванный его состоянием друг советует обратиться за помощью к психотерапевту... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-832154-2

© Винокурова Н. Е.
© Издательские решения

Содержание

Первая часть	6
Прелюдия	7
Глава 1. Я вижу будущее	9
Глава 2. Почему она всю ночь плакала?	17
Глава 3. Тайная риэлторская магия	24
Глава 4. Миллион оттенков синего моря	30
Глава 5. Освежить отношения	35
Глава 6. Сверху	42
Глава 7. Смертельно опасно	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Ущипни меня Сказка на ночь

Наталья Евгеньевна Винокурова

Редактор Алёна Петровна Мартиросян

Редактор Артём Валерьевич Аушев

Иллюстратор Вероника Юрьевна Рудакова

Дизайнер обложки Вероника Юрьевна Рудакова

© Наталья Евгеньевна Винокурова, 2024

© Вероника Юрьевна Рудакова, иллюстрации, 2024

© Вероника Юрьевна Рудакова, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-4483-2154-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Внимание! Все имена, названия и другие персональные данные, упомянутые в данной истории, вымышлены. Любые совпадения – мистическая случайность и проделки нижнего астрала! :)

Сюжет основан на реальных событиях.

Первая часть

В астрале тебе делать нечего. Это как интернет: кликнешь по какой-нибудь безобидной ссылке, а попадёшь на порносайт.
Духовный Учитель

Прелюдия

Как вы думаете, способен ли мужчина на протяжении долгих лет брака по-прежнему испытывать яркую страсть к своей женщине – такую же, как в первые месяцы знакомства с ней? Он узнал её всю, до самых мелочей, со всеми скрытыми недостатками. Её тело и образ жизни неизбежно изменились после того, как она подарила жизнь их общему ребёнку. Девичьи искорки в её глазах исчезли, погашенные материнским чувством ответственности, а низ живота украшен глубоким десятисантиметровым шрамом. Способен ли мужчина каждый день влюбляться в свою супругу по-новому вместо того чтобы искать её прошлый образ в лицах других женщин, менее опытных телом и более свободных душой?..

Время на часах близится к полуночи, а мне всё никак не спится – я в который раз прокручиваю в памяти события прошедшего дня, и мысли не отпускают меня в царство Морфея. Наша спальня утопает во мраке. Сейчас новолуние, поэтому привычной полоски холодного молочного света, бегущего от окна к кровати, на полу нет, так же как нет в моей голове ни единой догадки о том, с чем именно мне сегодня посчастливилось иметь дело. Кромешная темнота и внутри, и снаружи.

В просторном загородном доме, за исключением нас двоих, все уже спят. Абсолютная, буквально вакуумная тишина. Его пальцы аккуратно скользят по моей коже, двигаясь от бедра по изгибу талии вверх, к груди. Ласково, едва ощутимо, боясь разбудить. Я медленно открываю глаза, а он, увидев это, издаёт довольный приглушённый стон и припадает губами к моим губам. Ему больше не нужно сдерживать себя, а мучиться угрызениями совести он будет потом – утром, когда поймёт, что снова не дал мне выспаться из-за вышедшего из-под контроля желания. Но в этот раз он укорит себя незаслуженно. Его вины здесь нет, а причина моей бессонницы – в странном случае, с которым я по долгу службы столкнулась днём в клинике.

Мой супруг пока ни о чём не догадывается. Взбудораженный, он кладёт меня на спину и наклоняется надо мной. Начинает целовать мои волосы – нетерпеливо, в предвкушении страстной ночи. Потом он целует мои пальцы, локти, плечи. Шею, уши, лоб, веки... Он обожает меня всю – осязаемый трепет пробегает мурашками по его рукам, стоит только ему дотронуться до моего тела. Его спокойное глубокое дыхание становится более шумным, а голос садится и звучит хрипло. Животом я чувствую прикосновение его плоти – увеличившейся и ставшей влажной. Его мышцы напрягаются, сердце начинает стучать сильнее, но всё же он медлит. Он никогда не позволяет себе быть со мной резким.

Да, несомненно, мужчина на такое способен. Это я с опозданием отвечаю на свой собственный вопрос о страсти и верности в семье. Единственный вопрос из пришедших этой ночью мне на ум, ответ на который не вызывает сомнений. Несмотря на то, что мы вместе уже много лет и в соседней комнате сейчас мирно сопит наш сын, мой супруг по-прежнему крепко любит меня и не интересуется никем иным. Его преданность не нуждается в проверке – такое сильное влечение невозможно подделать. Впрочем, он тоже по-прежнему безумно меня возбуждает. Его руки знают все мои чувствительные зоны, все тайные кнопки – когда он нажимает на них, я за считанные секунды электризуюсь. Он полностью мной управляет.

Однако сегодня особый день, и ему никак не удастся вырвать меня из плена сумбурных мыслей. Сначала он целует мою грудь: сперва нежно, романтично, потом уже сильнее – жадно прикусывая затвердевшие соски. Его чувственные пальцы проникают в меня и ложатся на самый главный секретный механизм – контрольную клавишу, обычно никогда не подводящую. Но, кажется, сегодня она обесточена – почти не реагирует на активные ласки. Я по-прежнему никак не могу расслабиться, внизу всё сухо и зажато.

Проводя рукой по его голове, я тихо пытаюсь оправдаться, а заодно поделиться волнениями:

- Милый, знаешь, сегодня ко мне приходил такой странный клиент...
- Клиент? – удивлённо спрашивает он, чуть отстранившись.
- Да, один молодой человек.
- О-очень интересно, – мурлычет он шутливо. – И чем же он так тебя увлёл?

– Он видит очень необычные сны, практически обитает в них. Утверждает, что общается там с настоящими людьми, которых при этом никогда вживую не встречал, и путешествует по разным странам. Наяву же ему трудно с кем-либо контактировать. Он расстался с девушкой, выпал из рабочего ритма и замкнулся в себе. Как я поняла, периодически у него даже возникают галлюцинации. Мне очень сложно было его разговорить, однако когда он, наконец, всё рассказал, я растерялась и не нашла, что ему ответить. Я не знаю, с какой стороны подойти к его нестандартному случаю и что предпринять.

– Спихни его на психиатра, – лаконично отвечает добрый супруг, снова касаясь губами моей груди. – И забудь.

Конечно же, он по-своему прав. По скомканному короткому объяснению именно такое впечатление и создаётся – человеку, потерявшему связь с реальностью, нужен не психотерапевт, а психиатр. Разговаривать с такими пациентами бесполезно, их лечат только медикаментозно. Но кое-что в рассказе молодого человека лично для меня ставит под сомнение этот, казалось бы, неоспоримый вердикт.

- Нет, знаешь, ему нужна именно психотерапия. Я сейчас тебе объясню...

Мой мужчина щипает меня за один сосок, а второй прикусывает зубами, тем самым настойчиво перебивая – на этот раз он умышленно делает мне больно, будто бы в наказание за мысли о работе в нерабочее время.

– Если бы я был твоим начальником, я бы тебя уволил, – в подтверждение моей догадки строго заключает он. – Ты слишком много трудишься, тебе позарез нужен отдых. Пересмотри свой график.

– Прости, любимый... Всё правильно, я наверное просто утомилась. Нет тут ничего мистического, – добавляю я, словно убеждая саму себя.

Я раздвигаю ноги пошире, чтобы глубже ощутить его горячую ладонь. Моё тело перестаёт сопротивляться. Снова закрывая глаза, я отдаюсь в его полное распоряжение...

В ту ночь я так и не рассказала своему супругу подробностей, да и вообще больше не открывала с ним эту тему. Однако по мере того, как я работала с тем самым молодым человеком, моё удивление только росло, а необъяснимых фактов в этой истории накапливалось всё больше и больше. И даже мой старый добрый друг и коллега – психиатр и закоренелый прагматик, твёрдо отрицающий любые чудеса – внимательно меня выслушав, только развёл руками и растерянно промолчал.

Максим Серов – высокий худощавый мужчина с растрёпанными каштановыми волосами и пронзительными карими глазами – готовился в следующем году справить своё тридцатилетие. Он оказался приятным собеседником и прекрасным рассказчиком. Поняв, что я не собираюсь его осуждать или высмеивать, он мог говорить о своей непростой жизни часами, а я, ничего не упуская, записывала его речь прямо от первого лица. В моей толстой рабочей тетради, которую я завела специально для наших сеансов, зафиксировано всё произошедшее с ним на протяжении последнего года, и этот текст напоминает собой скорее художественную книгу, нежели чем сухие записки психотерапевта. Иногда я перечитываю его историю как закрученный мистический роман, надеясь, что со временем всё же найду между строк разгадку и с опозданием поставлю ему вразумительный диагноз. Но чем глубже я погружаюсь в описанный им мир, тем сильнее становятся мои сомнения на этот счёт...

Глава 1. Я вижу будущее

– Макс, 7:02! Стойте как вкопанный!

Я огляделся по сторонам и никого не увидел, но к совету всё же прислушался. Это получилось как-то машинально. Застыв посреди извилистой узкой улочки, название которой позабыл, а то и вовсе не знал, я с удивлением взглянул на наручные часы. Часов на запястье не оказалось. Некоторое время я продолжал довольно глупо пялиться на пустое место, будто бы ожидая, что старенький «свотч» материализуется там сам собой, а потом мягкий женский голос снова вывел меня из забытья. Он прозвучал совсем рядом с моим ухом:

– Я здесь, Максим! – чьи-то пальцы робко дотронулись до моего локтя. – 7:02, запомните!

От неожиданного прикосновения я вздрогнул и снова обернулся. На этот раз я к своему удивлению буквально лицом к лицу столкнулся с незнакомой молодой девушкой. Готов поспорить, ещё секунду назад её рядом не было! Я точно уверен, что шёл по улице один-одинёшенек – вокруг не наблюдалось ни пешеходов, ни автомобилей, словно в этом подозрительном месте по какой-то причине вымерло всё живое. Только тогда я внезапно понял, что заблудился.

При ближайшем рассмотрении дома оказались лишь отдалённо похожими на те «хрущёвки», которыми застроен мой спальный райончик – не мигая, они грозно смотрели на меня своими чужими окнами и в гости явно не ждали.

Мне стало не по себе, я поёжился. Каким же невнимательным нужно быть, чтобы так глубоко задуматься и забрести неведомо куда!

– Где мы?! – вырвалось у меня. Я заглянул в огромные, ярко-зелёные глаза своей собеседницы и с надеждой спросил. – Как мне вернуться обратно в Перово?

Должно быть, я смотрелся как отъявленный чужак, а вопросы задавал ещё более странные, однако мне и правда стало страшновато, а эта девушка была единственной, кто мог подсказать дорогу.

В ожидании ответа я попытался получше рассмотреть черты её лица, но почему-то не смог этого сделать – мой взгляд не фокусировался. Сперва я, конечно, подумал, что всё дело в очках, и выверенным жестом поднял руку, чтобы их поправить, однако привычного мне атрибута на переносице не оказалось. Очки мистическим образом исчезли вместе с часами и обрывками памяти.

– Какой-то я стал рассеянный, постоянно всё забываю, – промямлил я смущённо. – Простите, мы знакомы? Кажется, вы назвали меня по имени, откуда вы его знаете?

– Нет, мы не знакомы, я просто хочу сказать вам кое-что важное. Впереди вас ждёт большая опасность...

– Подождите, откуда вы это знаете? Вы что, гадалка? – выпалил я, перебивая. – Цыганка?

Ко мне в душу начало закрадываться смутное подозрение – я подумал, что скорее всего именно она и виновата в моей внезапной амнезии. Да, точно, цыгане это умеют! Для них не составит труда загипнотизировать человека, чтобы потом его, бессознательного, обокрасть.

Я прищурился, стараясь разглядеть незнакомку более пристально. Она, казалось, не возражала – не отворачивалась, не убегала, просто терпеливо ждала, пока я её изучу, а сама в свою очередь изучала меня.

«Хм, всё же на колдунью не похоже», – пришлось мне заключить после минуты полной тишины. Обычная девушка, с виду хрупкая и миниатюрная, с бледным лицом и яркими, медного цвета, волосами, которые прямыми прядями ложатся на острые плечи. Одета современно, никаких цыганских тряпок или платков: короткое чёрное платье разрисовано мелкими красными цветами – выглядит на ней очень кокетливо, оголяя белые колени. Коричневая короткая кожанка расстёгнута нараспашку, на ногах модные рыжие ботильоны с широким голенищем, через плечо висит такая же рыжая сумка, на аккуратных ногтях сверкает глянец алый

лак. Из глубокого выреза платья, в том месте, где находится сердце, виднеется край татуировки – что-то круглое, размером с большущий апельсин, расписанное замысловатыми узорами. Вообще я не люблю татуировки, тем более если речь о женском теле, но чёрные кружевные линии на её нежно-фарфоровой коже и правда смотрятся интересно...

– А вы красивая, – ляпнул я, с трудом заставив себя оторвать глаза от её аккуратной груди. – Извините, я сегодня без линз, поэтому не сразу вас разглядел.

Девушка по-доброму рассмеялась, польщённая комплиментом:

– Значит, вы меня видите. Это очень хорошо. А голос мой вы отчётливо слышите?

– Со слухом проблем нет, – я улыбнулся в ответ. – Вы сказали что-то про время...

– Верно. Вы молодец, Максим. Я, честно говоря, не ожидала, что смогу так легко с вами общаться. Конечно, вы утром всё забудете, но я приду ещё раз. Я буду приходить, пока вы не запомните мои слова. Какое счастье, что вы такой чувствительный!..

«Странная дамочка, – подумалось мне. – Такая же чудачка как я, а то и ещё хуже. Что я забуду? Куда она собралась приходить?.. И вообще, почему это я чувствительный?!..»

Вслух же, подавив запоздалую волну возмущения, я тактично спросил:

– Как вас зовут?

– Это неважно. Послушайте меня внимательно. Достаньте из ящика стола свои наручные часы, наденьте и почаще на них смотрите. Обещаете? Когда увидите 7:02 – умоляю, не двигайтесь. Просто переждите минутку. Могут погибнуть люди! – с этими словами она неожиданно протянула мне мои очки в совершенно непотребном виде – оправка была покорёжена, а стёкла разбиты и испачканы кровью.

– Ты порезалась?! – я ахнул, непроизвольно переходя на «ты», и принялся разглядывать её пальцы.

Как ни странно, когда я перевёл взгляд на наши руки, моё зрение внезапно обострилось. Теперь я видел всё очень чётко, я бы даже сказал – слишком чётко, вплоть до мельчайших, едва заметных линий на наших ладонях. Но вместе с тем меня не покидало ощущение, что я смотрю на них не напрямую, а через какую-то неизвестную субстанцию, преломляющую свет – будто сквозь воду.

Про порезы миловидной незнакомки я быстро позабыл. Как полный идиот я изваянием стоял на неизвестной мне улице и пытался подчинить себе собственные руки: их контуры совсем меня не слушались – они искажались, плыли, причудливо изгибаясь, а затем и вовсе начали размываться, словно нарисованные акварелью на мокром листе бумаги. На тот момент мне уже не оставалось ничего, кроме как признаться самому себе в собственном же сумасшествии. Пульсирующая тяжесть сдавила мои виски, по спине пробежал холодок, и я издал неконтролируемый стон.

Внимательно посмотрев на меня, девушка понимающе кивнула и поспешно пояснила:

– Ничего не бойся, это просто ОС¹, но тебя быстро выкинет.

– Просто... что?!

– Ты сейчас проснёшься, и всё будет хорошо. Главное – в семь ноль две не двигайся с места! Я вижу будущее, Макс. Семь ноль две, запомни!..

«Помни, помни, помни...» – вторило гулкое эхо в моей голове, пока я с осязаемым трудом пытался разлепить свинцовые веки. Когда мне, наконец, это удалось, я облегчённо выдохнул, потому что обнаружил себя дома, в своей постели. Моя рука привычно потянулась к тумбочке и нащупала очки. Они по-прежнему лежали там, где я оставил их вечером, и видимых повреждений не демонстрировали. Я внимательно рассмотрел их со всех сторон, а потом,

---

¹ ОС (осознанное сновидение) – особое состояние сознания, находясь в котором человек осознаёт, что спит, и может управлять содержанием и событиями своего сна. (Здесь и далее прим. авт.)

не найдя ничего критичного, надел на нос и с опозданием отмахнулся от необычно глубокого сна.

На том же прикроватном столике всё это время разрывался мой мобильный телефон – именно он последние годы заменял мне наручные часы, которые я действительно давно уже убрал в дальний ящик за ненадобностью. Увидев на дисплее, вопреки ожиданию, вовсе не 7:02, а целых 8:55 – пять минут до начала рабочего дня – я понял, что основательно проспал.

Сначала я по обыкновению подпрыгнул от страха, но тут же расслабился и успокоился. Есть в моём профессиональном положении одно существенное преимущество: можно не бояться опоздания на работу, если начальник, который вместо будильника настойчиво названивает тебе на мобильный в попытках вытащить из кровати – твой закадычный друг Сашка Коршунов. Проведя пальцем по экрану, я хриплым ото сна голосом шутливо проскрипел:

– Александр Константинович, добренького утра! Я...

– Макс, ты там не торопись выходить, я только минут через двадцать буду, – вместо приветствия затрещал мне в ухо босс. – Встал в пробку на Шоссе Энтузиастов. Представь, тут снова сужение до одной полосы! Когда же они закончат этот грёбанный ремонт!..

– Да я сам только очнулся, – успокоил его я.

– Отлично! Значит, успеешь ещё закинуть в себя кофейку. И за меня выпей чашечку – а то я сегодня еле трусы натянуть успел, какой там кофе. Моя меня опять затрахала, в прямом смысле этого слова. Полночи спать не давала. Очуметь можно, четыре года женаты, а она всё никак не успокоится, каждый долбаный вечер пристаёт! И голова у неё не болит, и месячные, матушку её, всё никак не начинаются...

На самом деле Саша в разговорах не смущался выбирать более резкие выражения, но я научился автоматически «конвертировать» подобные фразы внутри своей головы, заменяя их схожими, максимально пристойными оборотами. Ко мне в мозг его речь попадала уже трансформированной в нормативную лексику, тем самым я спасал себя от смертельной передозировки концентрированным матом. Перевод на литературный язык его последнего монолога, особенно богатого нецензурщиной, занял у меня пару-тройку секунд, поэтому я откликнулся с небольшой задержкой:

– Алекс, я тебя не узнаю, ну просто грех жаловаться же! Не жена, а чудо!

– Чудо-юдо, а не жена, – мрачно буркнул друг, а потом добавил расстроено. – Блин, или это я старею?.. Помнишь, как мы с тобой студентами девчонок долбили? На завтрак одна, в обед другая, на ужин третья...

– За собой я такого не замечал, – попытался оправдаться я, но он меня прослушал:

– ...А сейчас я даже двух не тяну. От Алиски приезжаю домой и всё, падаю как труп. Уже не до жены, но приходится себя пересиливать.

– Зачем?

– Как зачем, иначе заподозрит же!

Внимая его недовольным жалобам, я в который раз удивлялся, почему в мире всё так дисгармонично: кому-то всё, а другим – ничего. Вот, например, Сашка. Учились мы с ним вместе в одном универе, корочки у нас одинаковые – синие, всех его студенческих друзей я знаю как облупленных, там никаких ценных связей не было, и родители наши тоже обоюдно не отличались особой влиятельностью. Но при этом он к своим тридцати годам владеет крупной компанией по продаже коммерческой недвижимости, а ещё имеет двухлетнего сына, молодую и сексуально активную жену (о которой предпочитает не упоминать всуе), не менее бодрую любовницу – длинноногую жгучую брюнетку Алису, и чёрный «мерс» S-класса с блатными номерами. В офисе Саша большую часть времени бьёт баклуши и лишь изредка, для иллюзии деятельности, прогуливается по коридору, устрашая своим статным видом сотрудников.

Мне же похвастаться нечем, кроме своей, разве что исключительной скромности: наследников у меня нет, и я даже не женат. Более того, у меня в течение последнего года не было женщины, только недавно Саша, решив наладить мою личную жизнь, на корпоративе познакомил меня с новой бухгалтершей Таней – фигуристой голубоглазой блондинкой двадцати лет от роду, и чуть позже между нами как-то сам собой случился секс. Потом я, конечно же, пожалел о содеянном, потому что наивная, искренняя Танечка, ввиду молодости, намертво ко мне привязалась и сходу окрестила своим «парнем». Не то чтобы я был против, вовсе нет – она мне тоже очень нравилась, просто я всегда считал, что быстро завязавшиеся отношения ни к чему хорошему не приводят. Тем более между людьми с десятилетней разницей в возрасте. Тем более если это служебный роман.

Да, кстати, о работе: она у меня, в отличие от Сашиной, всегда была полна суеты и напрягов. Я менеджер по продажам, и если я не зарыт по уши в бумагах, то, значит, нахожусь в разъездах по объектам. Путешествовать приходится довольно много: как минимум две трети своего рабочего времени я мотаюсь по Москве и ближайшему Подмоскovie, а помогает мне в этом мой скромный конь – крохотный «пежо» белого цвета, купленный не так давно в кредит. Сейчас он стоит перед окнами нашего бизнес-центра и мокнет под проливным дождём, дожидаясь своего хозяина, потому что домой я на нём не езжу. Сашка, по старой памяти, вечерами сам подкидывает меня до дома, а утром так же подбирает у подъезда.

Знаете, у меня нет к Алексу зависти или неприязни. Более того, я вообще редко вспоминаю о социальных различиях, пролегающих между нами, разве что в такие моменты как сейчас, когда приятель начинает жаловаться на свою жизнь. И даже тогда я в который раз объясняю себе, что он добился всех имеющихся благ не по волшебству, а своими собственными кровью и потом, которых пролил немало в первые годы развития бизнеса. Недаром же он, ещё не успев разменять четвёртый десяток, начал стремительно седесть. Сейчас его виски уже полностью побелели, а вдобавок к ним наискось через темечко проходил такой же светлый клоч, который заметно выделялся на фоне остальных волос – тёмных, почти чёрных. Саша посещал парикмахера довольно часто – каждую неделю – следил за аккуратностью причёски и изысканно выбритой бородки, но седину никогда не закрашивал и даже не пытался, наверное считал, что она прибавляла ему солидности.

Несмотря на внешнюю непробиваемость, Сашка всё же растерял много нервных клеток на жестоком пути бизнесмена, а потому в общении вёл себя довольно резко, особенно с нижестоящими (недаром на работе к нему надёжно прицепилась кличка «Коршун»), однако на меня его гнев никогда не распространялся. За это я был благодарен и в свою очередь не позволял себе его осуждать: ни вслух, ни мысленно. Я понимал, что наличие любовницы, модная в наше время неприязнь к супруге и привычка экспрессивно высказывать свои недовольства – это всего лишь побочные эффекты жизни в столь напряжённой роли, перегруженной ответственностью. Как он однажды сказал мне, когда мы разговорились по душам: «Я чувствую, что либо буду время от времени умышленно позволять себе дурить, либо однажды свихнусь против своей воли».

Мысленно пожалев товарища, я спустил босые ноги с кровати и решительно направился на кухню. Мне пришлось в голову заварить этим утром не одну, а две большие порции кофе: первую я выпил сам из цветастой чашки с сердечками, подаренной Танечкой, а вторую – перелил в кружку-термос и перед выходом захватил с собой.

– Ого, вот это забота! – с ироничной ухмылкой воскликнул Алекс и незамедлительно сделал пару глотков. – Благодарю, Макс! Между прочим, ты только что спас моему боссу жизнь! Я перед тобой в долгу!..

– Да брось, – шёлкнув ремнём безопасности, я в блаженстве прислонился затылком к удобному подголовнику. – Всего лишь скромная компенсация за моё очередное опоздание.

Некоторое время мы ехали молча, каждый думал о своём, но потом я всё же решился обсудить с другом странное происшествие:

– Ты знаешь, мне сегодня такой чудной сон приснился... – пробормотал я озадаченно.

– Да? Что за сон? – не отрывая глаз от проезжей части, отзывчиво поинтересовался Коршунов.

– Как бы тебе в двух словах объяснить...

– Лучше в трёх, так надёжнее.

– Боюсь, что и в три тоже не уложусь. Придётся тебе выслушать длинную историю. Под утро ко мне в сон приходила незнакомая девушка...

– О, эта сцена обещает быть интересной! Что за девушка, симпатичная?

– Да, очень милая и такая... трудно описать... как будто бы живая, прямо как настоящий человек, – мои щёки зажглись румянцем, когда я вспомнил о незнакомке. – Но суть не в этом. Она сказала, что меня в будущем ждёт нечто крайне страшное, возможно даже смерть, и я теперь должен чаще смотреть на часы, потому что это произойдёт в семь с копейками. Если я буду внимательным, то смогу помочь себе и ещё кому-то. Вообще она несколько раз называла конкретное время, с точностью до минуты, но я что-то его забыл... Зато, видишь, часы надел. Прямо как она мне советовала.

Саша коротко обернулся на меня – сначала скользнул взглядом по моему запястью со «свотчем», а затем посмотрел мне в лицо. Секунда, и его внимание снова вернулось к дороге.

– В семь утра или вечера? – уточнил он.

– Не знаю, она не пояснила.

– А день недели?

– Тоже нет.

– А месяц и год? Может это через сто лет случится?.. Чушь, Макс, – подытожил он, не дожидаясь от меня ответа. – Ты просто переутомился.

– Наверное.

* * *

Под козырьком у входа в бизнес-центр снова собрались курильщики, причём компания была преимущественно женская. Мужчины в своё время с пониманием отнеслись к запрету на курение в общественных местах и спокойно принимали очередную порцию никотина в тесной курилке, но дамы обладали поистине бунтарским духом – они, невзирая на жёсткие санкции, всё равно шли против правил. Вот и сейчас добрая часть наших сотрудниц толпой выползла на крыльцо офисного здания, чтобы вместе с сигаретным дымом вдохнуть порцию свежего воздуха, а заодно и свежих сплетен.

Ещё издалека, выйдя из автомобиля, я заметил среди пёстрой толпы дымящих Танечку, а она заметила меня и тут же пулей понеслась по крутым ступенькам вниз, к парковке, не обращая никакого внимания на дождь:

– Макс, как я по тебе соскучилась!!! – прокричала она, расставив руки в стороны, чтобы меня обнять.

– А ты что здесь делаешь?! Ты же обещала мне больше не курить! – я раскрыл над ней свой зонт, а потом с напускной строгостью взял её под локоть и потащил обратно к стеклянным дверям офиса.

– Максимчик, только не злись, – она едва поспевала за моим быстрым шагом, и со стороны могло показаться, будто бы она упиралась. – Я не курила! Честное слово, я просто за компанию вышла поболтать!

– Ты вся пахнешь дымом! – я поднёс её ладонь к своему лицу и незамедлительно скривился. – И пальцы тоже!

– Правда?!

– Сейчас же иди обратно в бухгалтерию и чтобы я тебя тут больше не видел!

Поднявшись по лестнице, я обернулся на оставшего от нас Сашу, но тот жестом показал мне, что ждать его нет необходимости. В глазах товарища, ещё не так давно непринуждённо болтающего со мной в машине, теперь читалась бездушно-хищная холодность. Он медленно,

словно удав, приближался к своим подчинённым, надев на лицо маску сурового начальника. В отличие от меня, он не стал их отчитывать, ему вообще не пришлось чего-либо говорить. Не дольше секунды «Коршун» молча прожигал своими ледяными светло-серыми глазами куриц-сотрудниц, и вот уже они, молниеносно затушив сигареты, нескладным хором начали оправдываться. Терпеливо выслушав бессвязные кудахтанья, Алекс подождал, пока поток слёзных обещаний окончательно иссякнет, а потом безразлично вынес свой лаконичный приговор:

– Все оштрафованы, – и невозмутимо прошёл мимо них в здание.

В лифте Танечка спряталась за моей спиной и притихла, стараясь не встречаться взглядом с руководителем – наверное она до последнего рассчитывала остаться незамеченной. Саша в два счёта раскусил её животный страх и забавы ради решил дать девушке ложную надежду: делая вид, что полностью поглощён беседой со мной, он уточнил кое-что про новый крупный договор, который я в тот день собирался заключать с клиентом (хотя все подробности этой сделки уже были ему известны). Потом спокойно замолвил пару слов о погоде, сетуя на необычайно дождливое лето, и только перед тем как выйти на своём тринадцатом этаже, упомянул будто бы между прочим:

– Кстати, Татьяна, а отпуск я вам всё же подписал. В августе, как вы и хотели.

– Ой! Спасибо вам большое! – после неловкой паузы пискнула та. Подождав, пока двери лифта снова сомкнутся, она радостно обратилась ко мне. – Здорово, мы теперь вместе можем куда-нибудь поехать! Классно, да?

– Точно, – ответил я и иронично добавил. – Александр Константинович у нас такой молодец, правда?

Я на самом деле до последнего надеялся, что Саша никуда непустит её летом. Это было бы вполне справедливо, так как она не успела ещё отработать в нашей компании шести месяцев и по трудовому кодексу должна была отправиться на каникулы не раньше осени. Однако мой отпуск был утверждён на середину августа, и товарищ, видимо, решил, что вместе нам будет веселее. Мне же, честно говоря, хотелось отгулять свои две недели свободы в одиночку, где-нибудь в тишине, вдали от суеты. Например, в необитаемой глухой деревне – чем глуше, тем лучше. Но для романтического отдыха такой вариант, конечно, не подходил. Танечка наверняка мечтала полететь на море, в какой-нибудь оживлённый курортный город, поэтому со своими отшельническими планами я мысленно простился.

Тем временем, опомнившись от приятного удивления, девушка заметно опечалилась и шёпотом уточнила:

– Макс, а Коршун теперь и меня тоже оштрафует?

– Милая, я же просил не называть его так.

– Ой, прости! Вырвалось. И всё-таки как ты думаешь?

– Ты ведь не курила?

– Нет, клянусь! Просто Ленка попросила подержать сигарету.

– Честно?

– Честно-пречестно!

– Значит, не оштрафует.

– Почему ты так думаешь?

– Шестое чувство подсказывает, – усмехнувшись, я поцеловал её в щёчку на прощанье и вышел на восемнадцатом. – Хорошего дня!

Сидя в рабочем кресле, я всё никак не мог собраться с силами и включить компьютер. Вместо этого я, меланхолично подперев голову рукой, изучал нашу с Таней общую фотографию, стоящую в розовой рамочке рядом с моим монитором. Как вы могли догадаться, это фото тоже было её подарком мне – на первую памятную дату – в честь месяца со дня знакомства. Несмотря на то, что поросычьего цвета презент заметно выделялся на фоне тусклого офисного

оформления, я не стал убирать его в выдвижной ящик, а оставил на столе, причём на самом видном месте. Каждый раз, когда я смотрел на наш снимок, у меня сразу поднималось настроение, я чувствовал себя неуязвимым и защищённым от любых неудач. Девичий оберег работал безотказно: стоило мне на него взглянуть, как серое менеджерское уныние, едва показавшись на горизонте, тут же испуганно отступало.

Однако сегодня реальность воспринималась мною несколько иначе. Я был выбит из колеи и растерян. Ангельский облик Танечки размывался перед моими глазами: на фигурку смущённой белокурой студентки, которую обхватывали сзади мои руки, наслаивались черты уверенной рыжей модницы из сегодняшнего сна. Прямо как в момент нашего разговора я отчётливо видел незнакомку перед своим внутренним взором в мельчайших подробностях: на яркой причёске играли блики утреннего света, в бездонных изумрудно-зелёных глазах искрилось солнце, а когда она, как сейчас, склонив голову чуть вбок, улыбалась мне – над уголками её губ возникали маленькие трогательные ямочки. И это было далеко не всё: помимо зрительного образа, я ощущал тепло в руках и груди, словно я и правда обнимал таинственную девушку, прижимая к себе. Я даже чувствовал как пахли её волосы – тонким, едва уловимым ароматом алых кустовых роз. Живых, молодых цветов, раскрывшихся поутру в саду и сверкающих росинками на нежных лепестках...

Я зажмурился, пытаясь прогнать наваждение, но от этого оно, напротив, стало ещё более очевидным – оно захватило меня полностью и разлило по телу ощущение приятной мечтательной неги. Тогда, помассировав пальцами лоб и виски, я вытащил из стола банку молотого кофе. Открыл её, поднёс к носу и сделал несколько глубоких вдохов. Ничего страшного. Просто я тяжело просыпаюсь по утрам, буквально сплю на ходу, но душистая арабика сейчас поможет мне очнуться.

Налив в кружку кипятка, я опрокинул в себя тёмную жидкость и вернулся к рабочему месту. Танечкины огромные синие глаза, такие чистые, не затуманенные жизненным опытом, доверчиво и открыто смотрели на меня со снимка. Иллюзия наконец-то исчезла, и ничто больше не мешало мне окунуться в противоречивые размышления. А поразмышлять было над чем – передо мной стоял нелёгкий выбор. С одной стороны мне следовало как-то спасти Татьяну от злости «Коршуна» и его штрафов, потому что он и так платил ей копейки. С другой – мне действительно очень хотелось отучить девушку курить, а мои мягкие запреты на неё не действовали.

В поисках ответов я откинулся на спинку кресла и обратился к воспоминаниям...

Глава 2. Почему она всю ночь плакала?

– А я Максим, очень приятно. Только уберите это ради бога!..

Моя реплика была вполне оправданна: едва услышав моё имя, Танечка смущённо улыбнулась, тряхнула кудрями осветлённого почти до белизны каре и незамедлительно полезла за сигаретами. Наверное она подумала, что будет выглядеть с ними солиднее в моих глазах, но я сразу сделал ей замечание. А через пару секунд я вообще отобрал пачку и выкинул её в подвернувшуюся поблизости урну.

Наше знакомство случилось у входа в ресторан, который в тот день был арендован для корпоративного фуршета – отмечали юбилей компании, целых десять лет с момента её основания. Алекс, быстренько представив нас друг другу, убежал встречать более важных гостей, а мы остались тет-а-тет в неловко повисшей тишине.

– Эээ, может быть, пойдём чего-нибудь выпьем? – я понятия не имел, о чём мне с ней говорить, поэтому ничего лучше не придумал.

– Хорошо, давайте, – скромно ответила Таня. Она смотрела на меня всё ещё немного испуганно после той проделки с сигаретами – видимо, боялась предположить, какие ещё выходки может учинить лучший друг «Коршуна». Улыбнувшись, я её успокоил:

– Со мной можно на «ты», я добрый. Главное – не дымить в моём присутствии. Не люблю этот запах...

Как назло, безалкогольные напитки оказались в тот вечер дефицитными. Сотрудников напропалую спаивали шампанским, вином, коньяком, виски и даже самой обыкновенной водкой – чем угодно, но только не соком. Закусок тоже приготовили маловато – их уничтожили ещё до начала торжественного представления, а чокаться время от времени всё же, из вежливости, приходилось. В общем, к концу корпоратива я конкретно опьянел. Мой язык развязался, и бедная Танечка вынужденно выслушала миллион историй детства и юности, которые лились из меня нескончаемым потоком. Впрочем, вряд ли девушка что-то запомнила, потому что она сама была настолько же сильно пьяна.

Мне нравилось наблюдать, как менялось с каждым выпитым бокалом её настроение. Из скромной студентки, поначалу стеснявшейся общаться со взрослым дядькой вроде меня, градус постепенно делал всё более раскрепощённую обольстительницу. Её щеки налились румянцем, она постоянно смеялась и словно бы невзначай до меня дотрагивалась – сначала до кончиков пальцев, потом до запястья, до локтя, до плеча. А ещё через некоторое время придвинулась поближе и коснулась моего бедра своей коленкой. Когда она села так близко, глубокий вырез платья открыл моему взгляду её разгорячённый бюст – аппетитно стиснутый облегающей тканью, и при виде этой картины я распрощался с последними каплями трезвости. Помню, в какой-то момент я придержал её за подбородок и поцеловал в шею, под скулой, жадно засосав нежную кожу. Она, казалось, только этого и ждала. Однако, довольно рассмеявшись, девушка тут же отстранилась и промурлыкала:

– Щекотно!.. – кстати, не соврала, потому что я увидел, как её грудь покрылась россыпью мурашек. Затем она вдруг посмотрела на часы и поспешно промолвила. – Ой, уже почти полночь, мне пора!

– Постой, Золушка, ты куда так рано? – я тоже вскочил и удержал её, взяв за руку.

– Метро скоро закроется. Я побегу!

– Какое метро, ну что ты, – притянув девушку к себе, я снова поцеловал её в шею, на этот раз более нежно, а потом в обнажённое плечо. – Я вызову тебе такси. Остайся ещё ненадолго.

– Нет, Максим, уже поздно, родители будут волноваться. Я им обещала позвонить, как приеду, – она изловчилась, вывернулась из моих объятий и помчалась к выходу, а я, ясное дело, понёсся следом за ней.

На улице, в отличие от шумного и душного ресторана, было тихо и свежо. Высоко в небе сияла луна – почти полная, окружённая светло-жёлтым туманным ореолом. Мерно покачивались от лёгких порывов ветра ветки кустов сирени, одурманивая нас своим ароматом. Танечка стояла на несколько шагов впереди и ёжилась, растирая мгновенно замёрзшие плечи.

Погода в начале мая всегда отличалась коварной обманчивостью: днём солнце уже достаточно хорошо прогревало воздух и стояла практически летняя жара, но ночи по-прежнему были бодряще холодными. Пospешно сматываясь от меня, девушка забыла на «балу» куртку и теперь не знала, что делать: то ли вернуться и снова нарваться на говорливого пьяного придурка, который ни с того ни с сего вдруг лезет целоваться, то ли пожертвовать ветровкой и бежать, как сказочная героиня, без оглядки. Шагнув вперёд, я накинул на неё свой пиджак и поспешно попросил прощения:

– Извини меня, пожалуйста. Много выпил, с кем не бывает. К тому же, в июне стукнет год, как я без девушки...

«Блин, а это я зачем говорю?!» – запоздало спохватился я и мысленно надавал себе тумаков за излишнюю болтливость. Вслух же постарался замять начатую тему:

– Правда, прости. Я не хотел тебя обижать. Как-то само собой получилось. Ты просто такая обаятельная, особенно в этом открытом платье. Сверху из твоего декольте столько всего видно...

«Вот чёрт, что же я несу!...» – я снова отругал себя за очередную откровенность и осёкся, а Танечка укуталась в мой пиджак, прикрывая грудь, и невинно улыбнулась. Мой сорвавшийся с губ комплимент, как ни странно, оказался ей приятен.

– Твоё платье очень откровенное, – продолжал я, собравшись с мыслями, – поэтому я отпущу тебя домой только на такси. Договорились? А ещё лучше – прокачусь с тобой до дома. Заходить не буду, даже не проси. Просто проконтролирую, чтобы водитель вёл себя прилично.

– Ну, хорошо, – сдалась она, понимая, что иначе я от неё не отвяжусь, – уговорил. Заберёшь из гардероба мою куртку?

– О, с удовольствием! – я взял протянутый мне номерок и поспешил обратно в ресторан, на ходу вбивая в мобильный адрес для подачи машины.

Получасом позже мы были на месте и стояли на лестничной площадке у входа в её квартиру. Дотронувшись до её румяной щеки, я хотел поцеловать девушку на прощанье, но она отстранилась и вдруг спросила:

– Макс, подожди, а... какие у тебя планы на ночь?

– На ночь? – удивился я.

– Ну да. Что ты будешь сейчас делать?

Видимо, Танечка старалась в тот вечер говорить поменьше, чтобы, как и я, не наляпать в беседе чего-нибудь лишнего, и сейчас, стоило ей раскрыть рот, я понял: она пьяна похлеще меня.

– Очень важные планы, – ответил я с иронией в голосе. – Выспаться перед очередным рабочим днём. Вздумалось же Александру Константиновичу сделать корпоратив в четверг...

– Да уж. А вы с Коршуном давно дружите?

– Больше десяти лет. В универе познакомились, нам тогда было по шестнадцать.

– Ого, здорово!

– Ага. Только не называй, пожалуйста, его Коршуном. Хотя бы при мне.

– Хорошо, не буду, – покладисто кивнула Танечка и предложила уже более прозрачно. – Может, всё же зайдёшь? Выпьем по чашечке чая?

– Не могу. Я же предупреждал. А то ещё скажешь потом, что я напросился. Лучше я поеду.

– А как ты сам теперь доберёшься до дома? Ты же таксиста отпустил.

– Точно, сглупил, – я улыбнулся и опять вытащил сотовый. – Но не беда, сейчас вызову его снова.

– Может быть, заглянешь хотя бы на пару минут, пока машина не подъехала? У меня родители на даче, а одной пить чай грустно.

– Увы, нет, – я был непреклонен.

«Если я загляну, то выпить чая ты точно не успеешь», – про себя добавил я. Весь вечер я тщетно боролся с эрекцией, пытаюсь замаскировать своё возбуждение и не выдать, как сильно я её хочу, поэтому визит в гости точно ничем приличным не закончился бы. Коварный алкоголь снимал меня с тормозов и вытягивал на поверхность все глубоко упрятанные, запертые за семью замками, желания. А желаний там было, поверьте мне, предостаточно. Я действительно очень скучал на протяжении последнего года по близости с женщиной и порядком устал разряжать себя сам.

– Кстати, – Танечка в тот момент словно прочитала мои мысли. – А то, что ты сказал мне у ресторана – это правда?

– Я много чего говорил.

– У тебя правда уже год не было девушки?

Я пожал плечами:

– Да.

– А почему?

– Татьяна, это слишком личный вопрос.

– Ну ладно, если стесняешься, то не говори. Я, кстати, тоже давно не...

Она прервалась и покраснела.

– Ну-ка, ну-ка? – улыбка на моих губах стала шире. – Насколько давно?

– Уже три года.

– Вот это действительно рекорд! Знаешь, ты очень симпатичная девушка и...

– Я просто не могу так сходу, без любви, – перебила она.

– Я всегда думал так же.

– Без любви это просто трение и...

– Морально не удовлетворяет, – я без труда закончил её фразу.

– А физически удовлетворяться...

– ...можно и в одиночестве?

Танечка подняла на меня свои огромные, бездонно-глубокие глаза:

– Макс, ты давно научился читать мысли?

– Сам хотел задать тебе этот вопрос.

Мы замолчали и теперь заворожённо смотрели друг на друга. Между нами проскочила поначалу незаметная, невидимая искра, но и её было достаточно для того, чтобы поджечь и испепелить в прах все мои прежние представления о морали. Позже я ещё долго буду задаваться вопросом, правильно ли я в ту ночь поступил. Но в «здесь и сейчас» я не сомневаюсь, я полностью доверяю себя этому огню...

Мгновение – и я уже перешагиваю порог квартиры. Прижимаю девушку спиной к стене и страстно, несдержанно целую в губы. Мои руки стискивают через слой ткани её грудь, ненасытно изучая шикарные формы, скользят по изящным изгибам фигуры вниз, до бёдер, поднимают подол короткого платья.

– Пойдём в мою комнату, – тихо шепчет Танечка. Я киваю и закрываю входную дверь. Прихожая погружается во мрак.

Взявшись за мой галстук, девушка тянет меня за собой. Времени включать свет у нас нет, поэтому мы двигаемся на ощупь в крошечной темноте коридора, попутно что-то сбивая и роняя. На пол падает ложка для обуви, зонт и какая-то статуэтка с тумбочки. Мы даже умуд-

ряемся задеть вешалку, но к счастью я вовремя её подхватываю и возвращаю в вертикальное положение.

Возиться с обувью некогда – бросив туфли где-то в прихожей, я иду в спальню. Она снимает с меня очки и кладёт их на туалетный столик. Расслабляет галстук, аккуратно стягивает его с шеи, а затем подрагивающими пальцами принимается расстёгивать пуговицы моей рубашки. Я опускаю молнию на её платье, оно безвольно соскальзывает с соблазнительной фигурки и падает вниз к нашим ногам. Танечка предстаёт передо мной практически голой – в одних трусиках – и я моментально схожу с ума при виде её обнажённого тела.

– Как же я тебя хочу! – шумно выдыхаю я, поддевая пальцами полосочку стрингов. Мне кажется, что мои брюки вот-вот треснут и разойдутся по швам от напряжения, которое создаётся внутри.

– Ой, – вдруг останавливает меня обольстительница. Она опускается на пол и, опрометчиво встав на четвереньки, руками пытается что-то нащупать в темноте. – Я ведь должна родителям написать! Где же мой телефон?.. Подожди чуть-чуть!

Но ждать я уже не могу. Она стоит прямо в полоске лунного света, демонстрируя мне свои прелести, и у меня зубы сводит от возбуждения. Звякает бляшка моего ремня, я буквально падаю на колени и, отодвинув в сторону тонкую полосочку кружевной ткани, вхожу сзади. От неожиданности Танечка издаёт приглушённый возглас и лепечет, что ей больно, хотя мобильник из рук не выпускает и ещё несколько секунд честно пытается дописать маме сообщение. Мой телефон тоже вибрирует где-то в кармане – наверное, это звонит приехавший водитель. Брать трубку я, конечно, не буду: во-первых, мои руки заняты, а во-вторых, что мне ему сказать? Извини, друг, я знаю, что ты уже ждёшь, но мои планы, похоже, резко меняются, я прямо сейчас трахаю сзади обалденную девочку, и поэтому грубо нарушаю нашу договорённость?.. Грубо. Резко. Трахаю... Я сам себя не узнаю.

Прерывисто дыша, я провожу рукой по её выгнувшейся спине – по нежной, пышущей свежестью, коже, которая снова покрывается сексуальными мурашками. Её влагалище узкое, даже слишком, а ещё короткое, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы снова не сделать ей больно. Наверное, у меня плохо получается, потому что время от времени она всё же еле слышно вскрикивает. Её ногти впиваются в ворс ковра, а попка тщетно пытается от меня «убежать». Чего же она хотела, я высокий – почти метр девяносто – и все части моей фигуры пропорционально увеличены в размерах. Она же ниже меня сантиметров на тридцать точно – настоящая дюймовочка, даже немного её жалко, ведь я слишком пьян, чтобы быть ласковым.

– Макс... – ноет она. – По... ос... торожнее!

– Да-а, скажи так ещё раз!

– Что?..

– Назови моё имя!

– Ма... аксим... ай!.. ну пожалуйста!..

Меня безумно это возбуждает – звуки моего имени, произнесённые её милым голоском, да ещё и с мольбой о пощаде. На тело начинают накатывать волны оргазма, я прерываюсь, пытаюсь унять усиливающиеся ощущения, переворачиваю девушку на лопатки и, наконец, стягиваю с неё трусики. В её широко раскрытых синих глазах я замечаю слезинки, а губа в отчаянии закушена. О боже. Я обязательно пожалел бы её, если бы не вид этой торчащей кверху упругой, юной груди – такую большую и одновременно аккуратную я вижу впервые. Сколько ей?.. Я с трудом вспоминаю – кажется, двадцать.

– Ты восхитительная! Я... – я вхожу в неё снова, понимая, что никак не смогу отсрочить разрядку, – я сейчас кончу, прости.

Ещё несколько глубоких, головокружительных проникновений, и я со стоном взрываюсь, едва успевая выйти из неё. Моё дыхание сбивается, кажется, какое-то время я вообще не дышу, а потом медленно начинаю приходить в себя. Открыв глаза, я вижу, что забрызгал

всё вокруг – как будто копил целый год и устроил Танечке настоящий потоп. Сперма блестит повсюду: на полу, на ковре, во впадине её плоского живота, на груди, и даже немного в расчёпанных волосах.

Она улыбается мне – это хорошо. Значит, не злится. Хотя злиться, конечно, есть за что: напал на неё, практически изнасиловал, при этом продержался не дольше пяти минут, а скорее всего даже меньше, и в итоге ничем кроме боли не наградил.

Мой член, не успевший ещё потерять твёрдость, словно извиняясь, выписывает вензеля вокруг её пупка. Она же вдруг лукаво прищуривается, медленно собирает в ладонь вязкую жидкость со своего тела и подносит ко рту. Жадно глотает её, с аппетитом облизывает пальчики и попутно следит за моей реакцией.

– А ты вкусный! – комментирует с довольным видом.

Чёрт, что она со мной делает?! Я бы прямо сейчас трахнул её ещё раз, но нам обоим не помешает немного передохнуть...

– Сейчас я тоже тебя съем! – вслух отвечаю я.

Я беру её, смеющуюся, на руки и несу в постель, потому что прекрасно понимаю: встать сама она ещё долго не сможет. Ложась на спину, девушка устраивается поудобнее и охотно раздвигает ноги, а я склоняюсь головой к её округлому, гладко выбритому лобку. Несмотря на причинённую ей боль, она довольно сильно возбуждена – её губы влажные и припухшие, а тело на прикосновение к ним реагирует осязаемым трепетом. Мой палец аккуратно раздвигает трогательную складочку и проникает внутрь, а язык прикасается к набухшему, затвердевшему клитору. Танечка ахает и заливается звонким смехом, изредка перемежающимся с громкими стонами. Она натянута словно струна, её бёдра напрягаются и приподнимаются мне навстречу, а с уст слетают звуки разной высоты и громкости: иногда это тихое рычание, иногда – острые несдержанные крики. Моя рука, ритмичнодвигающаяся внутри, полностью намокает, по ладони струится горячая смазка. Три года, значит?.. Вот теперь мне охотно в это верится. Я никогда раньше не видел, чтобы женщина так текла.

– Ты тоже лакомый кусочек, – говорю я, прервавшись. – И искренняя. Мне это нравится.

Но ей уже не до разговоров:

– Продолжай! – нетерпеливо взывает она. Обхватывает обеими руками мою голову и притягивает её к себе, шире расставляя ноги.

Я снова обволакиваю языком пульсирующий клитор, предвкушая её пик буквально как свой собственный. Пальцы моей левой руки лежат на её бедре, и через тонкую кожу я различаю её частое, ускоряющееся сердцебиение. Дрожь пробегает изнутри по её влагалищу, сначала едва заметная, потом уже более очевидная. Потом оно внезапно расширяется – так, что я успеваю поместить туда целых три пальца вместо одного – и сразу же сжимается судорогами, передавая их всему её телу. Танечка запрокидывает голову и вдруг начинает громко плакать – в прямом смысле этого слова. Приподнявшись, я вижу, что по её щекам стекают дорожки слёз. Она оргазмирует долго: трогательно мнёт одеяло, зажимая его в кулаках, извивается, всхлипывает и заливает рыданиями подушку. Наконец, успокаивается и открывает глаза.

– Макс... – шепчет так, будто сорвала голос. – Иди ко мне.

Меня не нужно спрашивать дважды. Такую бурную реакцию на оргазм я наблюдаю в первый раз и, конечно же, снова чувствую непреодолимое напряжение внизу. Я встаю над ней и провожу кончиком увеличившегося члена по её щекам, вытирая слезинки. Словно в предвкушении вкуснейшего из лакомств, она медленно открывает свой очаровательный ротик пошире, и я проникаю внутрь. Сначала неглубоко, погружая только головку, потом постепенно пытаюсь войти всё глубже, но девушка начинает дёргаться и давиться. Сосёт она неважно – то ли разучилась, то ли вовсе никогда не умела – не обхватывает член плотно, поэтому мне автоматически хочется протолкнуть его по самые гланды. Она неправильно дышит, и из-за этого её горло хрипит неконтролируемыми рвотными спазмами. Глаза плотно зажмурены, на реснич-

ках опять проступают слезинки. Бедняжка, мне действительно её жалко, но остановиться я не могу, мой мозг почти полностью отключён. Я плотно держу её голову руками – деваться ей некуда, абсолютно никакой надежды на спасение, а потому приходится терпеть.

К счастью, я мучаю её недолго, задохнуться она не успевает, и даже не захлёбывается. Не больше минуты – и я снова несдержанно кончаю, предварительно вытащив член и прикоснувшись головкой к её трогательным, раскрасневшимся губкам. На этот раз уже я издаю громкий гортанный крик, переходящий в рычание. Сперма частично попадает ей в рот, частично стекает по подбородку на подушку. Она судорожно сглатывает, приоткрывает глаза, чтобы посмотреть на меня, потом проводит трясущейся рукой по лбу, вытирая выступивший пот.

– Спасибо, сладенькая, – обессиленный, я падаю рядом с ней, а она наоборот приподнимается, берёт с тумбочки бутылку минералки и жадно засасывает горлышко. Да, теперь у неё это получается уже значительно лучше.

Через пару секунд Танечка в изнеможении ложится ко мне на плечо и прижимается к груди. Её разгорячённое тело пышет жаром, она такая сексуальная, что, несмотря на физическую усталость, спать я не могу. Мы ещё долго ласкаем друг друга – полупьяные, полусонные. Чуть позже мы снова занимаемся любовью, уже менее агрессивной, но при этом не менее страстной. Всю ночь напролёт.

Эта женщина моя. Она вся пахнет мной – от кончиков волос, разметавшихся по подушке, до нежных пяточек, касающихся то моих бёдер, то плеч, то коленей. Она насквозь пропитана мною, и это нестерпимо заводит. Я готов соединиться с ней вечно, но на рассвете, с очередным оргазмом, меня покидают последние капельки сил. Всё рано или поздно заканчивается. Время останавливается, утомлённое тело безвольно падает в тёмную пучину беспамятства, и ты исчезаешь в невесомости. Не помня о прошлом, не зная будущего, не подозревая, что скоро придётся просыпаться... Это немного похоже на смерть.

* * *

Утро подкралось незаметно. Лучи майского солнца, пробившись через полупрозрачную штору, коснулись моего лица и ласково оживили. Сначала я не понял, где нахожусь, а события минувшей ночи показались мне отдалённым диковинным сном, но взглянув вниз и увидев лежащую на моей груди Танечку, я моментально восстановил хронологию событий.

– Милая, просыпайся, – шепнул я. – Уже восемь двадцать, а тебе нельзя опаздывать. Кошечка, подъём! Слышишь?

Подхватив недовольно бурчащую девушку на руки, я понёс её в душ. Хотя мне и нравилось, как она пахнет после ночи со мной, ехать в офис в таком виде нам было нельзя. Встав рядом с Танечкой под упругие капли воды, я, конечно же, не сдержался и рискнул снова войти в неё, но по большому счёту утренний секс ничем, кроме погрома в ванной не закончился. Мы перебили все склянки, до которых только смогли дотянуться, и вдобавок сами несколько раз чуть было не упали, после чего я оставил свою затею.

Из ванной комнаты я выползал буквально на ощупь. Меня ощутимо шатало, голова, разумеется, раскалывалась, а глаза сами собой закрывались – состояние, мягко говоря, не располагающее к работе, но делать нечего: в офисе меня ждали два важных, не терпящих отлагательств договора. Собрав разбросанные в порыве эмоций вещи, я наспех оделся и вышел в коридор дожидаться Танечку. Отчаянно растирая пальцами слипающиеся веки, я готов был уснуть прямо стоя, но вдруг где-то совсем рядом со мной раздался хриплый мужской голос, который мгновенно привёл меня в чувство:

– Да. И мы с супругой тоже не выспались. Сначала думали, что за стенкой кого-то убивают, но через пару часов поняли, что если она до сих пор жива, значит вы не маньяк.

От неожиданности я подскочил почти до потолка. Мой взгляд тут же сфокусировался, и я поспешно нацепил на переносицу очки. В коридоре напротив меня стоял мужчина возрастом за пятьдесят, одетый в домашние треники и майку. Подняв с пола ложку для обуви, он любезно и с неприкрытой иронией продолжил:

– Приятно познакомиться, я Григорий Петрович, – а потом, с секунду задумавшись, добил меня шедевральный вопросом. – Что же вы такое всю ночь делали с моей дочерью, что она столь громко плакала?

– Ой, папа! – в этот момент воскликнула за моей спиной Танечка. Услышав посторонний голос, она впопыхах выскочила к нам, на ходу вытирая полотенцем влажные волосы. – А я думала, что вы ещё на даче!..

– Эээ, Максим, – я с опозданием протянул мужчине руку. – Очень приятно. Вы нас простите, вчера был корпоратив на работе. Кажется, мы хватили лишнего...

– Может быть, кофе? – услужливо предложил Григорий. – Минералки?

– Нет-нет, спасибо, – я вежливо отказался, накидывая пиджак, – мы уже опаздываем в офис.

В этот момент, к счастью, заиграл мой мобильный – Сашка как всегда с удивительной точностью чувствовал, когда нужно мне позвонить. Под благовидным предлогом выскочив за дверь, я поспешно заговорил в трубку:

– Алло, Алекс?.. Да, доброе. Послушай, я не дома. Ты нас можешь подхватить у... – я ненадолго заглянул обратно. – Танечка, мы сейчас где?

– Метро Аэропорт, – тихо пискнула девушка.

– У Аэропорта, сможешь?

– Пап, – в этот момент Таня повернулась к отцу и громко зашептала ему на ухо, – Алекс – это Коршун, наш начальник, представляешь! Максим вместе с ним учился в институте, они лучшие друзья...

– Представляю, – с юмором ответил ей мировой папаша. – Но всё равно это не повод полночи не давать родителям спать!

Глава 3. Тайная риэлторская магия

Пока мы ждали Сашу, вдыхая ароматы весеннего утра в сквере у Танечкиного дома, она вытащила свой телефон, что-то потыкала там и вдруг прыснула от смеха:

– Ты только посмотри, что я вчера маме отправила. Это же надо было так напиться!

Я взглянул на экран и, спотыкаясь о буквы, прочитал следующее сообщение:

«Мам ч дома все в по порядке бцду спать. Доброц ност!»

А чуть ниже в переписке:

«Доча, спасибо, что отписалась, но мы всё слышим. Познакомишь нас утром».

И ещё через пять минут:

«Судя по всему, его зовут Максим. Ок, надеюсь, вы хотя бы предохранялись».

Первый раз на моей памяти меня так искромётно высмеяло старшее поколение, и от этого я почувствовал себя ещё более сконфуженным. Остаток времени я был не особо разговорчив, а девушка, напротив, пыталась всеми силами вывести меня на диалог, что только подливало масла в огонь моей проснувшейся совести, граничащей с самобичеванием. Она очень привлекательная, да, не спорю. Сложно было сдержаться перед такой красотой. Но разве это повод, чтобы настолько мерзко её использовать? Трахать пьяную, едва не падающую в обморок от выпитого, да ещё и без резинки? Прекрасно при этом понимая, что я не планирую каких-либо отношений, а просто сбрасываю таким образом балласт сексуального напряжения? Так обмануть доверчивую, молодую девочку... Просто ужасно.

Издаലെка увидев блестящий чёрный «мерс», Танечка притихла и прервалась на полуслове. А устроившись рядом со мной на заднем сидении, она и вовсе задремала, уткнувшись носом в моё плечо. Пронаблюдав за ней некоторое время, я внутренне расслабился, наивно полагая, что смогу теперь осмыслить всю эту ситуацию в тишине, однако не тут-то было. Сашка настойчиво сверлил меня пронзительным взглядом в зеркале заднего вида и издевательски ухмылялся. Его прямо-таки распирало любопытство, но обсуждать интимные подробности вслух он не решался, даже несмотря на хорошо различимое сопение, доносящееся со стороны спящей подчинённой. Наконец, не выдержав, он взял сотовый и быстро набрал в мессенджере короткий текст. Мой собственный телефон незамедлительно завибрировал, и я сообразил, что сообщение было адресовано мне. Осторожно, чтобы не разбудить объект обсуждения, я полез во внутренний карман пиджака и медленно извлёк оттуда трубку.

Алекс 8:56:08

Секес был?)

Слабо улыбнувшись, я отправил ему в ответ:

Я 8:56:13

Aga

Алекс 8:56:19

Ура :-D

Выкладывай!))

Вздыхнув, я принялся строчить боссу детальный отчёт о проделанной за ночь работе. Пока он не вытянет из меня всё до мелочей, он, конечно же, не отцепится и будет ещё долго обсуждать ситуацию, о которой мне хотелось бы поскорее забыть. Поэтому, не тратя времени и нервов даром, я в ярких красках перечислил все особенно понравившиеся мне сцены, не забыв упомянуть про то, как мы развлекались утром в ванной. Я надеялся хотя бы немного

засмущать своей искренностью Алекса, но, кажется, Коршунова мои откровения только повеселили: он закусил язык и напрочь отвлёкся от дороги, увлечённо читая эротический опус. Закончилось тем, что на очередном перекрёстке мы чуть было не впечатались на полной скорости в поворачивающий нам навстречу трамвай.

Представительский «мерс» истошно взвизгнул шинами, резко тормозя. Машинист продолжительно прозвенел в гудок, высказав таким образом всё, что думает о водителе, однако, к счастью, он оскорбил его незаслуженно: нам всё же каким-то чудом удалось избежать столкновения, остановившись в нескольких сантиметрах от путей. «Хорошая резина», – про себя отметил я. Сдав назад, друг запоздало ругнулся, и прервал меня вслух:

– Всё, ни слова больше! В офисе расскажешь.

Чуть позже я попросил Сашу ненадолго высадить меня у метро и купил Танечке цветов. Девушка спала настолько глубоко, что даже не заметила моего исчезновения (наверное, действительно сильно утомилась ночью), поэтому я не стал её будить, а просто положил букет из лилий и ирисов к ней на колени. Конечно, этот спонтанный подарок не снял с меня вины за содеянное, но моя совесть, вынудив меня потратить всю наличность из кошелька, немного успокоилась.

Наблюдая за моими действиями, Коршунов деланно закатил глаза, на его губах снова заиграла кривая насмешка. В отличие от меня Саша так церемониться с женским полом не привык, именно это он показательно продемонстрировал мне, когда на парковке, едва поставив машину на ручник, беспардонно гаркнул, оборачиваясь назад:

– Татьяна, подъём! Девять двадцать две, почему вы ещё не рабочем месте?!

Заспанная девушка с открытым ртом глазела на охапку благоухающих цветов, тщетно пытаясь понять, где она и что происходит.

– Ты что, оглохла?! – начальник был, как и всегда, беспощаден. – Забирай свой веник и сию секунду дуй в бухгалтерию! А вас, Максим Олегович, я вызываю к себе в кабинет для неотложного совещания по только что затронутому вопросу.

– Алекс, честное слово, у меня правда сейчас нет времени. Два договора надо составить и заключить. Давай вечером поговорим, хорошо?

– Максим Олегович, что это за фамильярности! Попрошу обращаться ко мне по имени-отчеству.

– Александр Константинович, будьте так любезны... отвалите, – буркнул я в ответ и, оправдываясь, пояснил. – Голова очень болит.

Я первым вышел из машины и, не дожидаясь Танечки, быстро направился к дверям офиса. Мне не хотелось, чтобы кто-то из опаздывающих сотрудников – а опаздывать они все были большие любители – видел нас вместе. Этим утром мою новоиспечённую личную жизнь уже достаточное количество раз препарировали, беспардонно в ней копаясь. Быть и дальше предметом изучения я не желал.

Когда я поднимался по ступенькам, у меня за спиной раздался удивлённый женский возглас:

– Танька, ого, какой шикарный букетище!!! Колись, кто подарил?!

– Мой новый парень, – с гордостью в голосе ответила та. – Максим.

Я мысленно хлопнул себя ладонью по лицу. Мне захотелось провалиться сквозь землю прямо на том самом месте, и, как минимум, исчезнуть навсегда, но всё же я совершил титаническое усилие над собой. Я не остановился, даже не покраснел и не втянул голову в плечи. Мои шаги были уверенными и твёрдыми, а осанка прямой. Вдох-выдох. Дыши поглубже, Макс. Всё хорошо.

Собственно, вот и вся история. Именно так два месяца назад я стал её «парнем».

* * *

Вырвавшись из липкого плена воспоминаний, я закинул голову на спинку офисного стула и, отвернувшись от фотографии, набрал номер Коршунова. Я сделал свой выбор – экскурс в прошлое отлично мне в этом помог. Да, я по-прежнему чувствовал вину перед Танечкой за то, что так неосторожно и крепко привязал её к себе – буквально приручил. Теперь именно на мне – и ни на ком другом – лежала ответственность за её безбедное существование, и я срочно должен был что-то предпринять, чтобы уберечь её от штрафа. А с этим нездоровым пристрастием к сигаретам мы обязательно справимся конструктивными методами. Что-нибудь придумаем. Я слышал, что сейчас изобрели какие-то специальные таблетки...

Товарищ принял вызов почти сразу, и из динамика до меня донеслось его грозное:

– Можешь этим отчётом в сортире подтереть себе жопу! Если до конца недели они у тебя не выполнят план, ты уволен! Чего ты вылупился на меня?! Вали отсюда!!!

При слове «план» я автоматически сжался, понимая, что речь скорее всего идёт о нашем отделе, а Саша же, прочистив голос, обратился ко мне. Он по-прежнему говорил немного раздражённо, с напряжением, но уже без злобы:

– Да, Макс?

– Привет ещё раз.

– Ага, давно не виделись, – саркастично отшутился в ответ друг.

– Извини, что отвлёл. Я на минуточку. Просто хотел тебя попросить, чтобы ты Таню не штрафовал за курение, ладно?

– Я и не планировал. Во-первых, я доподлинно не видел, чтобы она курила...

– Спасибо!

– А во-вторых, зря она, что ли, с тобой спит? К яду Коршуна у неё теперь иммунитет.

– Ты скажешь тоже.

– Как есть. Кстати, Макс, ты очень вовремя позвонил. Поводай-ка мне такую вещь: ты случайно не надумал наконец-то стать начальником отдела? Толян реально задолбал, совсем за идиота меня держит! Ещё пару таких косяков, и он полетит в бессрочный отпуск на йух. Прямым рейсом.

– Пока нет, Алекс. Извини, я уже говорил, я морально не готов. Да и Анатолий Викторович не виноват, что у нас план не выполняется. Просто кризис в стране, доллар поднимается, компании разоряются, спрос на недвижимость падает...

– И это я слышу от менеджера, который ежемесячно бьёт свои же собственные рекорды по продажам! Хватит его отмазывать, лучше скажи, как тебе одному из всей команды это удаётся?

– Не могу тебе раскрыть этот секрет. Тайная риэлторская магия, – отшутился я, а в следующую секунду, видя, как открывается офисная дверь, поспешно попрощался. – Ну, пора браться за дела. До вечера, Саш!

Сорокатрёхлетний начальник отдела продаж после разбора полётов у Алекса был не на шутку зол. Выслушав и терпеливо впитав в себя ругань вышестоящего руководства, он заметно раскраснелся, вспотел, а из его ушей буквально пёр пар как из закипающего чайника. С присвистыванием, бурля и шипя, он бешено завопил на подчинённых:

– Какого чёрта вы все здесь сидите как истуканы?! Почему не на встречах?! Чем вы вообще целыми днями занимаетесь, если общий план даже наполовину не выполнен?! Вы тут херней страдаете ежедневно, а я потом за вас нагоняй получаю!

Менеджеры словно по команде опустили головы в бумаги, усердно делая вид, что заняты сверхважной офисной работой. Некоторые даже схватились за трубки, имитируя телефонный разговор. Мне же прикрыться было нечем – мало того, что я до сих пор не распечатал свежие

договоры, так ещё к тому же и не включил компьютер. Просто сидел перед погашенным монитором с кружкой из-под кофе. Разумеется, Анатолий не мог мне такого простить:

– А ты, – процедил он сквозь зубы, поравнявшись с моим столом, – ты думаешь, что если с самим Коршуном закорешился, то всё можно, да? Приходить на работу к двенадцати и кофеёк попивать?!... Здесь тебе не кафе!!! – с этими словами он поднял кружку и перевернул её в воздухе над моей головой. Наверное, хотел вылить на меня горячее содержимое, но к счастью у него ничего не получилось – сам кофе я уже давно выпил, а размазанная по дну гуща стекала по стенкам не очень охотно. Вовремя отдёргнув в сторону его руку, я поднялся, чтобы поравняться с ним взглядом, и проговорил глухо:

– Анатолий Викторович, больше никогда так не делайте.

– Ишь ты, – клокотал руководитель, – приказывать он мне будет! Знаю, что ты уже давно на моё место метишь, но губу не раскатывай, ничего у тебя не выйдет! Силёнок не хватит тянуть на себе отдел!

– Поймите, пожалуйста, если вы ещё раз так поступите, я могу, не сдержавшись, в свою очередь проявить грубость. Возможно, у меня действительно не хватит сил, чтобы руководить отделом, но для того, чтобы дать вам отпор силы у меня найдутся. И, вы же сами прекрасно знаете, мне за это ничего не будет. Я ведь скорешился с самим Коршуновым!..

Бормоча себе под нос ругательства, он обогнул меня и быстрым шагом устремился в свой кабинет, а я пожал плечами и, наконец, включил компьютер.

– Макс, у тебя железные нервы! – раздался из-за перегородки потрясённый голос коллеги. – Как ты это терпишь?!

– Пустяки, – ответил я, а про себя добавил, отдавая Анатолию должное:

«Нет, всё же он незаменимый начальник. Подумать только – взбодрил меня быстрее, чем две кружки чёрного кофе!..»

Остаток рабочего дня, вплоть до позднего вечера, я провел в разъездах. Домой вернулся только к одиннадцати – уставший, но довольный собой. Мне удалось, несмотря на неотъемлемые трудности, успешно заключить три сделки, тем самым оправдав своё звание риэлторского мага.

Если быть честным, то я сам до конца не понимал, как мне это удаётся. Я не обучался никаким приёмам внушения, не приукрашивал и не искажал фактов, да и вообще не особенно настаивал на приобретении недвижимости именно у нашей компании. Советы я давал всегда искренние и никогда не цеплялся за покупателей. Чаще именно они перезванивали мне, а вовсе не я им. Во внешности моей тоже не было ничего очаровательного, напротив, я смотрелся, что уж там говорить, не очень презентабельно. Высокий и при этом худощавый – я с трудом мог подобрать хорошо сидящий костюм: в основном пиджак либо висел на мне в районе груди, либо был мал по рукавам. Из-за близорукости, достигшей в студенческие годы шести с половиной диоптрий, я не выходил из дома без очков с толстыми стёклами, и, вдобавок ко всему, частенько не успевал вовремя подстричься. Немного сутулящийся, нескладный очкарик с расчёпанной отросшей шевелюрой – вот кого я видел перед собой, когда в конце трудового дня подходил к большому зеркалу в прихожей. Впрочем, взгляд у меня всегда был открытый и добрый, даже если я устал как собака.

Положив ключи от машины на полку, я разулся и направился на кухню, чтобы перед сном немного почаявничать в одиночестве. Пока шумел чайник, я снял рубашку, закинул её на быструю стирку и, опустившись на табурет, меланхолично задумался. Что-то этим вечером шло не так, как всегда, я ощущал себя каким-то другим. Обычно, приходя после работы домой, я включал телевизор и смотрел новости или ещё какую-нибудь передачу, полностью поглощённый сюжетом. Сегодня же делать этого мне категорически не хотелось.

Сидя за столом, я снова изучал свои руки – сейчас они были ничем не примечательными и полностью неподвижными, но их странное поведение во сне по-прежнему не выходило из моей головы. Да и вообще я до сих пор досконально помнил про свои ночные приключения, и это добавляло какой-то новой, неопишуемой эйфории к моим привычным однообразным эмоциям. Реальный мир с его ежедневными проблемами теперь казался мне менее интересным, чем то, что я ощущал внутри. Меня тянуло помечтать, повоображать, нарисовать перед своим взором что-нибудь приятное. Чай остывал, а я с каждой секундой уходил всё глубже и глубже в себя, погружаясь в несвойственное для меня оцепенение.

Из омута грёз меня нахально вытащил за уши неожиданный звонок в дверь. Вздвогнув, я вынырнул из забытья и, любопытствуя, кто бы мог нагрязнать ко мне в столь поздний час, пошёл открывать.

– Максимчик, наконец-то ты приехал!!! – Танечка прямо с порога кинулась ко мне на шею, не выпуская своих покупок из рук. В левой она держала коробку с тортом, а в правой – бутылку шампанского, которой по неосторожности чуть было меня не прибила. – Я тебя уже час жду во дворе!

– Да? – мне чудом удалось увернуться от удара стеклом по виску. – Прости, милая, не заметил тебя. А почему ты мне не позвонила перед выездом?

– Хотела сделать сюрприз! Я не знала, что ты так поздно возвращаешься, – она с нескрываемым обожанием смотрела на мой обнажённый торс.

– Сегодня навалилось много дел. Давай-ка, солнышко, проходи. Ты не замёрзла? Как раз пью чай, сейчас быстро согреемся. Только шампанское, если ты не против, оставим на потом. Я немного устал и хотел бы лечь отдыхать.

– Так рано? – присев ко мне на колени, девушка отхлебнула из моей кружки. – Ой, какой холодный!

– Завтра планировал приехать на работу вовремя, – подливая ей горячей воды, оправдался я. – У нас в отделе небольшая напряжёнка...

– А у меня всё хорошо, – радостно перебила Танечка. – Коршун, ой, то есть Александр Константинович меня не оштрафовал. Твоё предсказание сбылось!

– Здорово, – я улыбнулся, нарезаю на кусочки торт. – Угощайся.

– А ты?

– Я покушал недавно, – сходу сочинил я, облизывая палец, испачканный в креме. – С утра попробую.

Пока она с аппетитом лопала угощение, прихлёбывая его чаем из той самой большой кружки с сердечками, я искоса любовался ей. Такой жизнерадостной, всегда бодрой, активной. Её округлая грудь, выглядывающая из белой блузки, с высокой амплитудой поднималась вверх на каждом вдохе, заметно натягивая на себе ткань. Я невольно удивился про себя: и как только эти крохотные пуговицы на её кофточке выдерживали давление настолько сочного бюста. Впрочем, это было единственное, что меня в тот момент волновало относительно её форм. Я внезапно понял, что на сей раз не испытывал ни грамма сексуального влечения, не хотел как обычно поскорее затащить Танечку в кровать и освободить её от этой тугей одежды. В который раз я удивился своему до неузнаваемости изменённому состоянию сознания. Отторжения я, разумеется, тоже не чувствовал. Мне нравилось смотреть на неё, ощущать её попку, ёрзающую на своих коленях, но на этом, пожалуй, всё.

А может быть, я просто устал на работе...

Вскоре мы легли в постель и я, извинившись, отвернулся к стенке, делая вид, что собираюсь спать. На самом же деле я втайне размышлял о нашем совместном отпуске, о том, куда мы бы могли отправиться в августе. Я продумывал, чем можно было бы её порадовать, чтобы тем самым в который раз загладить свою несмываемую вину перед ней. Перебирая в уме известные мне курортные города и заморские пейзажи, я прикидывал, где именно Танечке

понравилось бы больше всего. При этом я старался ориентироваться не на цены или ещё на какие-то сухие детали, а довериться исключительно внутреннему чутью. Я точно знал, что всё остальное сложится само собой.

Где-то давно я слышал, что самое главное – это чётко увидеть свою мечту во всех красках, услышать её звуки, кожей прочувствовать её прикосновение, и тогда она непременно сбывается. Наперекор всем возможным материальным препятствиям. Стоит только представить себя там – внутри желаемой сказки, и она в тот же миг оживёт...

Глава 4. Миллион оттенков синего моря

Прозрачные волны Адриатики, переливаясь в лучах жаркого полуденного солнца, накачивали на пустынный каменный пляж и нежно целовали мелкую гальку. С тихим шорохом скачивались обратно в бирюзовую пучину, собирались с силами и снова поднимались над берегом. Их колебания завораживали, расслабляли, усыпляли. Всё-таки интуиция меня не подвела, не зря я в итоге выбрал именно Хорватию. Здесь было безумно красиво.

Мы с Танечкой сидели в шезлонгах, а перед нами плескалось ласковое море. Едва ощутимые брызги пены долетали до наших лиц, оставляя на губах солоноватый привкус. На девушке была широкая светло-розовая шляпа, прячущая от голодных дневных лучей не только голову, но и белые, пока ещё не успевшие загореть плечи. Кончик белой атласной ленты развивался на ветру и буквально гипнотизировал меня своим движением. Долгое время мы молчали, наслаждаясь этой убаюкивающей тёплой негой, а потом она обхватила колени руками и проговорила тихо:

- Здесь прекрасно, Макс. Спасибо, что забросил нас сюда.
- Рад, что тебе нравится, родная.
- Я всегда любила Средиземноморье. Удивительно, и как только ты угадал!
- Всегда любила? Ты же впервые за границей.
- С чего ты взял?

И правда, с чего это я так решил?..

– Ну, кажется, ты рассказывала, что у твоего папы не было средств, чтобы вывезти вас за рубеж, и поэтому каждое лето вы отдыхали на даче... Может быть, я что-то перепутал?

– Наверное, – девушка повернулась ко мне и сняла шляпу. Её короткое белокурое каре тут же взъерошил игривый ветер, глубокий голубой взгляд сверкнул отблеском зенитного солнца. Этот блик был настолько ослепительным, что на мгновение он полностью лишил меня зрения, а когда ко мне вновь вернулась способность видеть, я ахнул, не веря собственным глазам.

Стеснительно приподняв худощавые плечи, на меня смотрела уже вовсе не Танечка, а рыжая незнакомка из утреннего сна. Её тонкие пальцы застенчиво сминали поля шляпы, которой она поспешно прикрыла свою аккуратную маленькую грудь. Несмотря на быстроту, с которой она спрятала от меня интимную часть своего тела, я всё равно успел заметить ту самую кружевную татуировку – на этот раз я увидел этот круг почти полностью, он заканчивался там, где проходила верёвочка, связывающая чашечки открытого чёрного купальника.

– Так, значит я снова сплю. Понятно... – пробормотал я, растирая лоб. Я почувствовал себя не менее смущённо, чем она. – Привет.

– Привет, – она скромно улыбнулась. – Макс, ты помнишь, о чём мы с тобой вчера разговаривали?

– Да, в общих чертах. Ты предупреждала меня о каком-то времени, но, честно говоря, я забыл эти цифры.

– Семь ноль две.

– Точно! Теперь запомню. Значит, ты умеешь видеть будущее. А что конкретно ты там видишь?

– Подробнее я сказать не могу. Будущее никогда не открывается полностью, только урывками. Но этой информации должно хватить. Тем более что ты теперь даже во сне носишь часы.

Она кивком головы указала на моё запястье, но тут же придержала меня двумя пальцами за подбородок, поспешно предупредив:

– Нет, подожди! Не смотри пока на руки, иначе снова проснёшься.

От её продолжительного прикосновения я предательски покраснел – по крайней мере, мне так показалось. Я замер, не зная, куда себя девать, а она, вглядываясь в мои глаза, внимательно изучала меня, буквально проникала своими изумрудными омутами в самое моё нутро.

– У тебя интересная энергетика, – наконец заключила она, отрывая пальцы от моего лица. – Возможно, ты даже в будущем мог бы полноценно сновидеть, но так сходу не получится. Нужна практика. К тому же, на аджне² есть кармический блок, он тоже тебе мешает. Зрение с детства плохое, да?

– Да, минус шесть. Сколько себя помню, всегда носил очки.

– Ничего, это при желании можно быстро исправить. Хоть прямо сейчас. Ты доверишься мне?

И она ещё спрашивает! Я толком не понимал, что именно смогу таким образом получить, но отсутствие или наличие выгоды меня абсолютно не заботило. Словно загипнотизированный, я был готов доверить этой обворожительной незнакомке что угодно, о чём бы она ни попросила – все свои чакры, энергетику, карму, и даже саму душу целиком! Вот он я, забирай. Где подписать?

– Конечно, а что от меня требуется?

– Ничего. Просто расслабься, – она села поближе и мягко дотронулась правой ладонью до моего лба, а левую – положила на затылок.

Её лицо изменилось, миг стало предельно серьёзным. Зрачки расширились, глаза зажглись какими-то демоническими, роковыми всполохами. Они жадно пожирали моё существо, смотря сквозь меня, не двигаясь и не моргая. Жар, который исходил в это время от её рук, был невероятным. Он одновременно обжигал и охлаждал, покалывал и смягчал, волновал и успокаивал, причинял боль и тут же снимал её, заменяя томным наслаждением. Очень сложно описать человеческими словами то, что я ощутил. Настолько многогранного чувства в реальности я никогда ранее не испытывал.

Ещё более удивительными были метаморфозы, происходившие с пейзажем, который я наблюдал вокруг себя. На чём бы я ни фокусировал обострившееся зрение – всё тотчас вспыхивало и разгоралось яркими красками. В привычных семи цветах я теперь мог различить бесконечное множество тонов – я насчитал миллион оттенков одного только синего моря, представляете себе такое? Бирюзовый, индиговый, небесный, ультрамариновый, васильковый, серебристый, лазурный, сизый, сапфировый... И как я раньше не замечал этой бескрайней глубины мира!

Утопая в новых впечатлениях, накатывающих на меня пёстрой неуправляемой лавиной, я потерялся во времени, заблудился, рассеялся по пространству. Я пребывал в непередаваемом блаженстве, ненасытно вдыхая тот самый аромат свежих кустовых роз, которыми пахли её нежные ладони. Ладони, с игривой лёгкостью исцеляющие меня от чёрствости и врождённой душевной слепоты.

– Ну вот и всё, – сказала она, убирая руки.

– Так быстро?!

– Да, ты оказался послушным и почти не сопротивлялся. Утром может немного болеть голова, поэтому постарайся в первой половине дня сильно не нагружать себя работой.

Сейчас, когда я снова взглянул на неё, она показалась мне ещё более обаятельной. Я видел её уже не как размытую таинственную иллюзию, а как реальную, притягательную женщину. Тёплая, живая, сияющая ореолом золотисто-жёлтого света, который лился нескончаемым потоком из самого центра её груди – она пленила меня своей совершенной красотой. Мне

---

² *Аджна-чакра* (так называемый «третий глаз») в восточных учениях – энергетический центр, отвечающий за видение и ясновидение, расположенный в районе лба между бровями.

хотелось что-то сказать ей, выразить то, что я вижу и чувствую, но, замороженный, я не мог подобрать слов для комплимента.

– Скажи мне, как тебя зовут? – единственное, что я смог вымолвить.

Незнакомка улыбнулась:

– Это вовсе не важно.

– Но я хотел бы знать твоё имя.

– Тогда давай проверим мою работу? – шутливо предложила она. – Воспользуйся своим третьим глазом. Угадай.

– Нет, что ты, я так не смогу.

– Откуда ты это знаешь?

– Я же не экстрасенс.

– А ты попробуй! – чародейка казалась крайне воодушевленной, её добрые глаза излучали непоколебимую веру в мои силы. – Если бы ты обратился ко мне по имени, как бы ты меня назвал?

– Это будет пальцем в небо.

– Даже если ты угадаешь только первую букву, – уже откровенно смеясь, Марина твёрдо стояла на своём, – это будет большим прогрессом.

– Вряд ли у меня получится.

– Чуть больше оптимизма, Макс.

– Ерунда, при чём тут оптимизм. Я просто не хочу... Хотя, подожди-ка, – я прервался и ошарашено посмотрел на неё.

– Что такое?

– Чудеса какие-то. Мне кажется, я только что случайно назвал тебя Мариной.

Улыбка на её губах растянулась буквально до ушей:

– Ты способный ученик!

– Значит, я угадал?.. – не дожидаясь ответа, я опустил, практически упал, перед ней на колени. Мой язык развязался. В пылом порыве схватив её за плечи, я удивлённо затараторил. – Марина, я целый день думал о тебе! Всё никак не мог выкинуть твой образ из головы, а теперь-то уж и подавно не смогу никогда тебя забыть. Ты так божественно сияешь! Что ты сделала со мной? Кто ты? Откуда? Пожалуйста, расскажи мне! Почему ты так заботаешься обо мне? Зачем тебе спасать незнакомого парня? Лечить ему какие-то чакры? А самое главное... Мариночка, как мне найти тебя в реальности?

Почему-то я ни на секунду не усомнился в том, что она настоящая. Что она такой же сновидец, как и я, просто гораздо более опытный. От обилия вопросов лицо Марины нахмурилось, а вместе с ним нахмурилось и потемнело небо, ещё секунду назад безоблачное. Над нашими головами появились плотные давящие тучи, скрывшие за собой солнце. Море заволновалось, зашумело, почернело и обдало нас ледяной волной. Где-то вдали раздался тревожный крик чаек, немного похожий на детский плач.

– Макс, извини, мне пора, – тихо шепнула девушка. – Семь ноль две, запомни! Этого достаточно. Будь осторожен!

Её тело начало тускнеть, с каждой секундой оно становилось всё более прозрачным.

– Постой, пожалуйста! Не уходи! Марина!..

В попытке удержать красавицу я подался вперёд и крепче вцепился в хрупкие плечи. Но заключить её в свои объятия мне так и не удалось – в следующий миг волшебница, словно песок, утнула в никуда прямо сквозь мои пальцы. Мои руки сжались в кулаки, ногти вонзились в ладони. Стоя коленями на мокром песке, я с горьким чувством одиночества прижимал к себе пустоту.

* * *

– Кто такая Марина?..

Ярко-красный, агрессивно пульсирующий цвет, непонятно откуда ворвавшийся в моё спящее сознание, в два счёта меня разбудил. В комнате было темно, за окном по-прежнему царила ночь. Щёлкнув подсветкой наручных часов, которые забыл снять перед сном, я увидел там «3:03».

– Макс, кто такая Марина? – деловито повторила Танечка. Она сидела рядом со мной, прожигая меня широко распахнутыми глазами. Её рассерженный, не по годам строгий взгляд смотрел на меня в упор, распространяя вокруг себя мерцающую алую дымку, заметную даже в отсутствие освещения.

– Что?!

– Ты во сне звал какую-то Марину, кто это? – её голос звучал железными нотками.

Хотел бы и я сам знать ответ на этот вопрос...

– Даже не представляю, – вслух отозвался я и, покривив душой, добавил. – Я вообще не помню, что мне снилось.

– Не верю. Ты просто не хочешь мне говорить. Кто она?!

– Понятия не имею.

– Врёшь! Не поверю, что у тебя в жизни не было ни одной Марины!

– Безусловно, были.

– Вот видишь!

– Например, мою первую учительницу в школе звали Мариной.

– Ты что, спал со своей учительницей?!

– Конечно нет!

– Тогда при чём тут она?!

– Ты же сама спросила... А, ладно, неважно. Танечка, успокойся, пожалуйста. У меня кроме тебя никого нет. И до тебя долго никого не было, ты же знаешь. Ни Марин, ни других женских имён.

– Дай мне посмотреть твою телефонную книжку! – несмотря на то, что её интонация немного смягчилась, девушка всё ещё не могла расстаться с навязчивой идеей меня разоблачить.

– Пожалуйста, смотри. Ты там со всеми знакома, это рабочие контакты. И несколько друзей. Надеюсь, ты не полагаешь, что я записал Марину под именем, например, Жора?..

– Это было бы глупо...

– Этот разговор весь довольно глупый.

– Значит, я у тебя единственная?

– Разумеется.

– Прости меня, пожалуйста, Максимчик!..

Она моргнула. Красный туман, ещё не так давно потоками разливавшийся по комнате, иссяк. Теперь никакие посторонние краски не нарушали монотонности ночной темноты. Мне так и не удалось разобраться, что именно я до этого лицезрел – настенный светильник был выключен, а других дополнительных источников приглушённого света в моей комнате не было и быть не могло. «Возможно, – предположил я, – я просто не успел отойти от глубокого сна и мне спросонья привиделось».

Тем временем Танечка оседлала меня сверху и, наклонившись, принялась целовать в губы. Наверное, она хотела в знак примирения заняться сексом, но я мягко пересадил её рядом на кровать и сказал, что хочу спать.

– Я вызову тебе такси, – уверенно произнёс я в следующую секунду.

Расстроено хлопая глазами, она даже не возразила. Видимо, правда посчитала себя виноватой. Проводив её до двери, я вернулся в кровать, упал на одеяло и, забыв накрыться, в полной отключке проспал до семи утра.

Глава 5. Освежить отношения

Ровно в восемь, стоило мне только залезть в машину к Алексу, я тут же начал пересказывать ему свой сон. Сначала товарищ слушал меня довольно внимательно, но когда я дошёл до слов Марины про заблокированную чакру, он, не церемонясь, меня перебил:

– Всё ясно, снова никакой эротики. Скучные у тебя сюжеты. А ведь я до последнего надеялся!

– Мне и без эротики впечатлений хватило! Представляешь, я смог увидеть её ауру. И не только это!

– Слушай, Макс, ради всего святого умоляю – прекрати! Мне одной жены достаточно, та ещё ненормальная.

– А она-то что? – уточнил я.

– Да задолбала меня уже своей паранойей. Начиталась каких-то идиотских форумов, и её понесло. То ребёнка, видите ли, сглазили, то на ней самой порча, то на мне приворот. Больная, одним словом.

– Нет, ну у меня-то другое. Меня никто не привораживал. Хотя...

Согласившись, что моё влечение к Марине и впрямь отдалённо напоминает одержимость, я призадумался.

– Знаете, Максим Олегович, мне приходится признать, что я вас непозволительным образом распустил. Жалел по дружбе и старался не нагружать работой. Но сегодня я обязательно что-нибудь придумаю, – уверил меня друг и добавил многообещающе. – Ты у меня сейчас быстренько вернёшься в реальность!

– Вот спасибо, командир!

Дальше мы ехали молча. Голова, вопреки предостережению Марины, у меня не болела, а вот глаза ныли, сдавленные непривычной тяжестью. Разминая веки пальцами обеих рук, я даже не сразу почувствовал в этой ситуации какой-либо подвох. Мы уже почти добрались до офиса, когда я вдруг ахнул и незамедлительно хлопнул себя по лбу:

– Да я же очки дома оставил!

Воскликнув так, я в изумлении притих. Осторожно перевёл взгляд на проезжую часть, потом на дорожные знаки, на лица прохожих, на рекламные вывески. Я видел всё, что меня окружало, очень чётко и красочно – потому-то, выходя из квартиры, и забыл про стёкла. В них просто больше не было необходимости.

– Слушай, Сашка, что-то странное со мной творится, – пробормотал я. – Вон там у метро есть салон оптики, высади-ка меня с ним рядом.

– Обязательно прямо сейчас? – друг, не почуяв ничего неладного, попытался со мной поспорить. – Может хоть раз на работу вовремя заявимся, а? Сегодня у нас есть все шансы.

– Нет, – я был непреклонен. – Я позарез должен попасть к окулисту!

Игнорируя настойчивые замечания продавца-консультанта о том, что они открываются с девяти, я распахнул дверь в кабинет офтальмолога и с порога выпалил:

– Прошу прощения, – отодвинув рукав пиджака, я взглянул на наручные часы, – сейчас уже без пятнадцати минут, будьте добры, примите меня чуть раньше? Мне очень срочно нужно проверить зрение! Очень-очень срочно! Пожалуйста!!!

Я часто дышал, задыхаясь от быстрого бега, и тархтел так возбуждённо, будто мне требовалась неотложная медицинская помощь. По сути, так оно и было – чем неотложнее, тем лучше. Окинув меня взглядом, врач – зрелая женщина за пятьдесят – со вздохом кивнула и без лишних вопросов надела халат. Следующие пятнадцать минут она тщательно изучала мои глаза несколькими приборами – проверяла резкость зрения, давление, глазное дно. В итоге,

сев с результатами обследования за стол, чтобы написать подробное заключение, она поинтересовалась у меня:

– На что вы жалуетесь?

– Жалоб нет, просто хочу узнать свои диоптрии, – барабанила пальцами по коленям, я сгорал от любопытства.

– Минус 0,25 для обоих глаз, – невозмутимо ответила окулист.

– Да вы что, этого не может быть! – я чуть было не упал с хлипкого раскладного стула. – Тут какая-то ошибка.

– Никакой ошибки, у нас очень точный аппарат. Вот, смотрите сами, – женщина развернула в мою сторону чек.

– Но ещё вчера у меня было минус шесть с половиной!

– Вероятно, вы что-то перепутали.

– Да нет же, я вас уверяю. У меня врождённая миопия высокой степени, я всю жизнь ношу очки!

Доктор развела руками:

– Чудеса иногда случаются. Я в своей практике, конечно, такого не встречала, но в этом мире возможно всё. Как говорится, пути Господни...

– Пойдите-ка, – прервал её я. – У меня всё же есть одна жалоба. В последнее время я вижу какие-то разноцветные всполохи вокруг людей. Люди как бы горят изнутри, понимаете? Сегодня ночью в полной темноте я заметил, что от моей девушки исходило ярко красное свечение. Наверное, потому что она на меня сильно злилась. Честное слово, я не пью и не наркоман! Кстати, вокруг вас тоже есть свет, просто он более тусклый и не красный, а зеленовато-голубой. Знаете, такой бирюзовый оттенок...

– Если бы я минуту назад лично не осматривала ваше глазное дно, – на этот раз уже офтальмолог меня перебила, – то подумала бы, что у вас отслоение сетчатки. Однако нет, с ней всё в полном порядке.

– Чем тогда вы объясните то, что я вижу?

– А вы уверены, что видите это именно глазами?

Я внимательно взглянул на медика. Её вопрос звучал довольно странно, но я понимал, что она имела в виду. По моему поведению и, в частности, по сбивчивому эмоциональному рассказу она, вероятно, сделала вывод, что я пришёл к врачу неправильной специализации. Разумеется, она посчитала, что мне нужен приём как минимум невропатолога, а ещё лучше – психиатра. В следующую секунду на душе у меня стало ещё «веселее»: я поймал себя на мысли, что не знаю, как ей ответить.

– Нет, не уверен, – наконец признался я. – Мне кажется, если я сейчас закрою глаза, то всё равно смогу назвать цвета.

– В общем, Максим Олегович, – она ещё раз озадаченно вздохнула, – диагностику мы с вами провели. Вот ваше заключение и распечатка диоптрий. Никаких отклонений я у вас не наблюдаю, обследование показывает, что вы совершенно здоровый человек. По части офтальмологии, – добавила она после небольшой паузы, чем окончательно вогнала меня в ступор.

На негнущихся ногах я доковылял до стоящего на аварийке чёрного «мерса» и с трудом залез внутрь.

– Чертовщина какая-то, – мой голос был непривычно слабым, я почти шептал.

– Точно, чертовщина, – раздражённо подхватил Коршунов. – Очков, я гляжу, не купил. Какого же хера тогда ты там делал так долго? Меня уже оштрафовать успели, здесь оказывается нельзя стоять. Долбанные оборотни!..

– Алекс, мне не до шуток.

– А я не шучу. Ладно, давай, выкладывай, что стряслось.

– Вот, смотри, – я сунул ему под нос медицинские бланки.

– Это что за фигня? – он с непониманием отогнул маленький листочек, исписанный цифрами, и незамедлительно процитировал эпикриз. – Патологий не выявлено. Ну супер, поздравляю. А чего ты такой нервный-то?

– Марина ночью вылечила мне зрение.

– Кто-кто?

– Та девушка из сна. Ты просто не дослушал. Она каким-то образом раскрыла мне третий глаз.

– А первые два здесь при чём?

– Без понятия, но видимо они как-то связаны. Ты только вообрази, ещё вчера я носил очки, а теперь оказывается, что они мне больше не нужны!

– Пока сам не смогу убедиться, не поверю.

– А как мне тебя убедить?

– Легко. Вон там далеко торчит рекламный щит. Что на нём написано?

– Тойота. Управляй мечтой, – без труда прочёл я. – А ниже мелкими белыми буквами продублировано на английском: Drive your dreams. Ого, Сашка, «Drive your dreams!»³, ты представляешь?! Повсюду знаки!!!

– Так, – товарищ заботливо всучил мне бутылку минералки, – ну-ка, попей немного и успокойся.

– Это ещё не всё. Я, кажется, теперь и наяву вижу ауру! Танечка вчера светилась красным, офтальмолог сейчас бирюзовым, а вон там идёт парень – оранжевый с жёлтым. Это очень красиво, я не могу тебе толком описать!

Алекс внимательно сверлил меня глазами. На его строгом лице читалась неприкрытая обеспокоенность.

– А я? – спустя полминуты спросил он. – Меня ты в какой цвет раскрасишь?

– Хм, даже не знаю. Почему-то вокруг тебя я совсем ничего не вижу.

– Ну вот и славненько. Скажи, а ты мог бы вот прямо сейчас взять и притвориться, что этих глюков у тебя нет? Совсем. Сделать вид, что никто не светится, и вообще, что ничего паранормального с тобой не происходило? Иными словами, ты в состоянии общаться с людьми как обычно, будто ничего не изменилось?

– Думаю, да.

– Очень хорошо, иначе мне пришлось бы тебя уволить.

– Что?!

– Да я шучу, – криво ухмыльнулся Алекс. – Давай, пристёгивайся и поехали. Я на конференцию к своим балбесам уже на полчаса опоздал.

* * *

С тех пор я стал ещё более молчалив, можно даже сказать, замкнут. На работе я старался говорить мало и исключительно по существу, чтобы не проболтаться о своём новом умении. Я довольно часто мог предугадать, с чем обратится ко мне тот или иной коллега, заранее знал, когда прозвучит телефонный звонок от клиента, а приближение красной ауры вечно злого Анатолия чувствовал по меньшей мере за версту.

Неозвученные вопросы, которые хотела, но не решалась, задать мне Танечка, атаковали меня осязаемым плотным потоком каждый раз, когда мы случайно пересекались в офисе. С той самой ночи у нас больше не было секса, я не приглашал её домой и вообще старался потихоньку дистанцировать от себя, делая вид, что по макушку погружён в дела. Мне казалось, что я при-

---

³ Дословный перевод рекламного слогана с английского языка – «Управляй своими снами».

творяюсь довольно правдоподобно, пока однажды днём не раздался крайне неофициальный телефонный звонок от Коршунова. Весело треща, товарищ сходу чуть было не отправил меня в нокаут словами:

– Блин, Макс, а почему я как всегда последний узнаю о том, что у тебя появилась новая пассия?! Колись, кто она! Неужели и правда Катька из отдела маркетинга?

И тут я к своему ужасу понял: за охлаждением наших отношений следит огромная зрительская аудитория – весь штат сотрудников или, как минимум, женская его половина – и не просто следит, а пускает сплетни такой длины, что они доползают до высшего руководства.

– Нет, ты не последний, – отозвался я, едва только восстановилась моя способность к речи. – Последним об этом узнал я. Какая ещё Катька, ты что?!

– Вот и я говорю, какая Катька, у неё же сиськи висят и жопа плоская! А кто тогда?

– Нет у меня никого! Алекс, что вообще происходит?

– Я сам хотел бы это знать. А ещё мне интересно, за чей счёт я буду делать ремонт в бухгалтерии после потопа, который там сегодня приключился.

– Потопа?!

– Бухгалтерша твоя заливает горячими слезами всё вокруг. Я чуть не утонул, когда решил туда заглянуть. Навёл справки у своих девочек, и они сказали, что ходят слухи, будто ты ей изменяешь.

– Я сейчас к ней поднимусь и всё объясню, успокою её.

– Да уж, потрудишься, пожалуйста.

В тот же день, путём долгих переговоров с Танечкой, было решено попытаться как-то освежить наши отношения. Она сказала, что к вечеру придумает что-нибудь интересное и в девять приедет ко мне в гости с ночёвкой. Я же в свою очередь пообещал ей быть дома вовремя, и острый конфликт был в итоге нивелирован. Конечно, мне по-прежнему не хотелось с ней спать, но я решил перешагнуть через себя, чтобы хотя бы ненадолго прервать эти дурацкие слухи. Возможно, они так меня раздражали, потому что в них была немалая доля правды – я действительно влюбился в другую женщину и не мог думать ни о ком, кроме неё, а она, как назло, ко мне больше не приходила. Каждое утро, когда я просыпался, мою грудь щемило от тоски по Марине. Мне не хотелось вылезать из-под одеяла и, будь моя воля, я спал бы целыми днями напролёт, пытаясь снова осознать себя во сне, чтобы затем самому найти её. Но в одиночку у меня ничего не получалось – мои сны были смазанными и неконтролируемыми, такими, как до знакомства с волшебницей. Только её появление в них позволяло мне очнуться от забытья и ожить. Без неё же я видел обычную бессвязную чепуху, которую забывал сразу после просыпания или помнил жалкими урывками. Мне было очень паршиво внутри, а внешний мир, с его постоянным давлением, вовсе не возвращал меня к реальности, напротив, загонял ещё глубже в себя, в мрачные, безнадежные переживания. Я уже даже не боялся тех самых таинственных «7:02», а ждал их с нетерпением, подговаривая себя, что бы я ни делал в это время, ни в коем случае не останавливаться.

Вечером Танечка в который раз подлила масла в огонь, нагрянув ко мне с набором для БДСМ-игр. Смотря на наручники, розги и цепи, разложенные на моём одеяле, я чесал в затылке, придумывая, как можно было бы ненавязчиво её отшить.

– Я тут в одном фильме видела, – ничего не подозревая, весело щебетала девушка. – Так прикольно! Ты можешь связать меня, чтобы я не сопротивлялась, и сделать всё, что только захочешь! Вот представь, я не могу пошевелить ни руками, ни ногами – что бы ты со мной сделал? Чего тебе хочется больше всего?

– Хм, даже не знаю...

На самом деле я, конечно же, знал. Больше всего на свете мне хотелось опять запихнуть её в такси вместе со всеми этими игрушками и поскорее отправить домой. Именно так мне

следовало поступить в первый день нашего знакомства, в этом случае я бы сейчас не разрывался между чувством любви к одной женщине и чувством долга по отношению к другой.

– В общем, я хочу, чтобы ты был моим «верхним»! – так и не дождавшись от меня вразумительного ответа, Танечка зачирикала дальше. – А я буду твоей саб... саб... ну, по-нашему рабыней!

Я слабо улыбнулся:

– По правде сказать, я никогда ничем таким не занимался и понятия не имею, как всё это происходит. Может, покажешь мне этот свой фильм?

– Легко! Открывай ноут!

Следующие три часа мы с ней смотрели кино. Сначала то художественное, о котором она говорила (я чуть было не уснул), потом перешли на короткометражное порнографическое искусство, и вот тут я, неожиданно для самого себя, вдохновился. Знаете, наверное в глубине души я всегда был немного зол на Таню за то, что она буквально насильно заставила меня войти с ней в отношения и оказалась недостаточно смышлёной, чтобы без сопротивлений отпустить. Эта агрессия, ранее мной не осознаваемая, активировалась и стала настойчиво проситься на выход. Мне всерьёз захотелось в отместку наказать надоедливую девушку, и когда, выключив компьютер, я взял в руки плётку, её гладкая кожа приятно согрела мне ладонь.

«Ну держись, сейчас ты у меня получишь, – многообещающе проносится в моей голове, пока я стягиваю неожиданно ставшие тесными брюки. – Сама же попросила».

Мои руки непривычно грубы, а в груди разливается прохладное равнодушие. Я довольно безразлично снимаю с неё всю одежду, щёлкаю замками наручников и, положив Танечку на живот, пристёгиваю её запястья к изголовью кровати. Ноги я тоже фиксирую – всего за полминуты она оказывается полностью обездвижена, буквально распята. Наверное, она не ждала от меня такой прыти, и ей тут же делается не по себе:

– Макс, а может ошейник не будешь надевать, а? Что-то он меня душит.

– Я не понял, кто тут приказывает? – сухо спрашиваю я, однако застёжку всё же немного ослабляю. Моя рука берёт её за волосы, я оттягиваю назад белокурую голову и шепчу ей на ухо. – Ты же хотела, чтобы я тебя унизил? Я обычно слишком тихий, да?.. Так вот, сучка, тебе пора узнать, как я тебя презираю. Я ненавижу эти твои волосы...

Мои пальцы сцепляются на её кудрях сильнее, и она непроизвольно пищит от боли. Дальше я обращаюсь к ней уже вслух, с растущим напряжением в голосе:

– Я ненавижу твои большие щенячьи глаза, – говорю я, закрывая её лицо непроницаемой кожаной повязкой. – Особенно когда они так жалостливо смотрят на меня. Но больше всего... больше всего на свете меня раздражает твой говорливый ротик. Если бы только я мог заткнуть его навсегда, чтобы прервать все эти сплетни...

Ремешок кляпа плотно обтягивает побледневшие скулы. Танечка мычит в ответ что-то нечленораздельное – кажется, она пытается ещё раз назвать меня по имени, но плотный шарик между челюстей явно мешает ей говорить разборчиво. Понимая, что у неё вряд ли получится меня остановить, она затихает и вся сжимается от страха, подрагивающие девичьи плечи испуганно поднимаются вверх.

Её липкий ужас действует на меня как инъекция озверина.

– Вот тебе за твоё упрямство, – флоггер, взметнувшись в воздух, с громким хлопком оставляет на нежной попе девять свежих следов от своих хвостов. – Вот за курение!.. И за то, что постоянно врёшь мне, что бросила!.. А это... это за твою тупую ревность! Да кто ты вообще такая, чтобы решать, с кем мне общаться во сне?

– Ммм...

– Молчать!

Мой голос садится и звучит с хрипотцой, я практически рычу. В каждый новый шлепок я вкладываю всё больше силы и всё меньше жалости. Из моего рта продолжает литься нескон-

чаемый поток обвинений – безусловно, незаслуженных, но от этого не менее оскорбительных. Я снова не узнаю себя. Почему я так жесток с ней? Я без зазрений совести называю её шлюхой, а потом обвешиваю другими нелестными эпитетами, хотя объективно за ней нет таких тяжких грехов. Неужели это просыпается в глубинах памяти моё прошлое? Да нет, ерунда, – тут же отвечаю я сам себе, – этого не может быть, столько времени прошло...

Очередным ударом плети я отмахиваюсь от неприятных воспоминаний.

В какой-то момент девушка расслабляется, её покрасневшее, налившееся кровоподтёками тело заметно обмякает, перестаёт вздрагивать или ещё как-то реагировать на боль. Наверное, ей скучно – думаю я и незамедлительно отдаю новый приказ:

– Раздвигай ноги шире!

Она повинуетя не сразу. Моя ладонь касается её живота, я приподнимаю её красную попу, притягивая чуть ближе к себе. Другая рука скользит сверху вниз между аппетитных разгорячённых бёдер. Некоторое время я смотрю на её выглядывающие сзади половые губы, на хорошо изученную мною щёлочку между ними. И хотя я довольно сильно возбуждён, они почему-то не притягивают меня так, как раньше. Это было бы слишком просто.

Бесстыдно и грубо я растягиваю пальцами её девственно сжатую верхнюю дырочку и, плотно придерживая член, резко ввожу его туда. Девушка дёргается, сдавленно стонет, но закричать не успевает. Её и без того ослабевшее тело безвольно растекается по кровати. Танечка теряет сознание.

Я застываю в недоумении, с трудом понимая, насколько варварский поступок только что совершил. Сначала я попросту бездействую, а потом ко мне начинает постепенно возвращаться рассудок. Анальный секс заканчивается, не успев толком начаться. Я отстёгиваю её, моментально снимаю все пыточные атрибуты и, переворачивая на спину, беру на руки.

Под маской она, оказывается, вся зарёвана. Макияж чёрными кругами размазался вокруг глаз, волосы прилипли к влажному от пота и слёз лицу, щёки перепачканы помадой. Зрелище, честно вам скажу, ужасное, особенно если ты сам только что вышел из необычайно глубокого транса и толком не помнишь, что тут в твоё отсутствие происходило.

Через несколько минут Танечка очнулась, но при этом всё равно осталась очень вялой и на мои вопросы не отвечала, просто смотрела на меня затравленными, испуганными глазами. Как я ни старался, я не смог добиться вразумительного объяснения о том, болит ли у неё что-то. И только когда я сообщил ей, что собираюсь вызвать «скорую», она жестом меня остановила.

Следующие два часа я держал её у себя в объятьях и отпаивал чаем, помогая поскорее прийти в себя. Я пытался её накормить, но она отказалась, съев только маленький кусочек шоколада. И лишь глубокой ночью она набралась смелости, чтобы заговорить хотя бы полупшёпотом:

– Мне так одиноко, Макс. Ты меня не любишь. Никто меня не любит. Зачем я вообще живу...

– Солнышко, ну ты чего? Это же просто игра. Не нужно было принимать мои слова близко к сердцу. Я нёс всякую ерунду, пытаюсь войти в роль.

– Я не могу вспомнить, что ты говорил, но мне было так жутко, тело как будто окаменело и перестало меня слушаться...

– Не надо вспоминать, милая. Давай забудем об этом поскорее. Может быть, ляжем спать?

– Мне почему-то страшно с тобой оставаться. Извини, я вряд ли смогу здесь уснуть. Можно я лучше поеду домой?

– Конечно, – я изо всех сил старался не демонстрировать своего ликования. – Сейчас я закажу тебе машину.

Мне в одночасье полегчало. Не считая усилившегося в сотню раз комплекса вины, я чувствовал себя очень даже комфортно.

– А давай... – великодушно предложил я, провожая её, – давай в следующий раз ты будешь верхней? Ну, для компенсации.

Глава 6. Сверху

Её лицо скрывает ярко-красная кружевная маска, видны только лукавые, прищурившиеся в улыбке синие глаза. Она откидывает назад выбившуюся из причёски прядь светлых волос и нетерпеливо облизывает губы – такие же яркие, налившиеся желанием. Пышная грудь затянута в чёрный виниловый корсет, на ножках чёрные чулки с широкой резинкой и алые лакированные туфли. Вот это да! В таком облике я её ещё ни разу не видел.

Я лежу на спине, а она сидит на мне верхом, плотно прижимаясь к моему телу внутренней поверхностью бёдер. Наклоняется и сначала целует в губы, потом шаловливым язычком спускается под подбородок, щекочет шею, переходит к груди, дразнит соски. Облизывает пупок, доходит до дорожки и останавливается в самом интересном месте. Прерывается и задорно смеётся:

– Хочешь меня? – она говорит не так как обычно, немного охрипла от возбуждения.

– Ты ещё спрашиваешь!

– Тогда закрой глаза.

– Но мне так нравится на тебя смотреть, – я дотрагиваюсь до её корсета, поддеваю его пальцами, чтобы освободить бюст.

– Убери руки! – жёстко обрывает меня она.

Откуда ни возьмись появляется кожаная плеть. Девушка замахивается и хлещет меня по предплечью. Не больно – это совсем не пугает, а даже наоборот, заводит ещё сильнее. Сначала я инстинктивно отдёргиваю руки, но вскоре они опять тянутся к её груди, а она снова бьёт меня, на этот раз уже по лицу. Достает наручники и приковывает мои запястья к изголовью кровати.

– Ммм, – забавляюсь я. – Госпожа, как вы неотразимы и как грубы!

– Закрой глаза! – приказывает ещё раз, теперь уже громче. Её голос совсем не дрожит, он на удивление смелый. Включаясь в её игру, я повинуюсь.

В ту же секунду она берёт мой член и медленно погружает в свой ротик. Её движения нарочно неторопливые, а прикосновения – едва ощутимые. Она потешается надо мной, раззадоривает, нагло издевается. Мне хочется обхватить её голову и придержать, подаваясь навстречу бёдрами, но руки крепко пристёгнуты – пошевелить ими я не могу.

– Танечка...

– Зови меня Хозяйкой! – властно поправляет она. – А лучше молчи. Пусть твоё тело само покажет, как оно меня хочет.

И тело показывает: оно напрягается, вздрагивает, выгибается вперёд, пальцы непроизвольно впииваются в ладони, запястья выкручиваются, напрасно пытаюсь выбраться из звякающих оков.

– Сядь на меня, – прошу я со стоном.

– Приказываю здесь я!

Всё понятно: рот, как и глаза, мне тоже придётся закрыть. Чем больше я говорю, тем безжалостнее она бьёт меня, и тем сильнее отдаляется желанное вознаграждение. Я сглатываю, чтобы прогнать из горла комок. Моя эрекция настолько сильная, что становится даже немного больно, лоб покрывается испариной, я прерывисто дышу и молча схожу с ума от возбуждения. Мне едва удаётся сдерживаться, чтобы не закричать. Я нем и полностью неподвижен – только чувствую, как высоко поднимается и затем опускается моя грудная клетка.

– Хороший мальчик, – она привстает и, бесстыдно упираясь коленом мне в живот, наклоняется над моим лицом. Проводит ладонью по щеке. – Умница.

Внезапно она раздвигает ноги и насаживается на мой член. Резко и неожиданно. Я стискиваю зубы, стараясь не рычать, меня бросает в жар, перед закрытыми глазами плывёт ярко-красная рябь. Всё как в бреду.

Сердце пульсирует в каждом уголке напрягающегося тела, я то сжимаюсь под натиском неконтролируемой дрожи, сужающей меня до крохотной точки, то под властью сладострастных ощущений расширяюсь до размеров вселенной. С каждым новым таким циклом во мне накапливается всё больше бурлящей силы, которой я не могу управлять. Пульсируя, её горячие волны поднимаются вверх по моему позвоночнику, всё выше и выше, готовясь взорвать меня изнутри.

– Да... – довольно тянет она. – Выплесни это! До последней капли. Отдай мне себя!

Я готовлюсь кончать и в последний момент, будучи больше не в силах сдерживаться, всё же решаюсь на свой страх и риск открыть глаза. Я хочу видеть её, хочу любоваться этой бестией, чьи бёдра в экстатическом порыве шлёпают по моим, когда она, словно заведённая, скачет на мне в сумасшедшем, неистовом ритме. Я хочу видеть, как она кусает губу, вытягивая из меня концентрированное сексуальное безумие. Всеми своими раскрытыми чакрами я хочу смотреть, как она пьёт мою огненно-алую, с рыжими всполохами, страсть.

Мои веки приподнимаются, и зрачки тут же расширяются от страха. О боже, кто здесь?! Я с леденящим ужасом понимаю, что мы не одни в этой комнате: некто третий стоит у Танечки за спиной, но туловище и лицо этого человека тонут в крошечной ночной темноте. Мне виден только сжатый кулак в чёрной кожаной перчатке, который плотно держит длинный острый меч, направленный прямо на меня. Что за шуточки?! На такие игрушки я не соглашался!

Лезвие проходит в нескольких сантиметрах от уха девушки, а она так увлечена процессом, что совсем ничего не замечает. Кончик меча дотрагивается до цепи наручников и без промедления разрубает её, освобождая мои запястья. Я хватаю Таню за плечи, понимая, что должен предупредить об опасности, но сделать этого не успеваю. Оружие совершает хладнокровный взмах в воздухе и безжалостно вонзается лезвием в её нежную шею.

Время словно останавливается. Всё происходит как в замедленной съёмке: кожа на её горле лопается, мне в лицо брызжет фонтаном пунцовая кровь, воздух прорезает сначала сдавленный хрип, который сменяется истошным шипением, а потом её белокурая голова падает к подножью кровати. Тело же продолжает сидеть на мне, по-прежнему живо двигая бёдрами, до тех пор, пока чьи-то руки в длинных, почти по локоть, перчатках не оттаскивают его в темноту. Я вскакиваю с постели, бросаюсь к разрубленной надвое девушке, срываю с неё маску и замираю в ошеломлении. Лоскут красной кружевной ткани падает из моей разжавшейся руки.

С безобразной, неузнаваемой физиономии на меня смотрит длинный кривой нос. Из открытого рта торчат гнилые зубы, на подбородке – отвратительная бородавка с жёсткой щетиной, глаза вовсе не синие, а карие, с толстыми чёрными ресницами, гадкими как паучы лапки. Проходит ещё секунда, и мой взгляд окончательно проясняется. Теперь труп и вовсе теряет какие-либо человеческие черты, становится похожим на пластмассовый манекен-болванку: без волос, без лица, без каких-либо признаков половой принадлежности. При этом он продолжает издавать приглушённые клокотания и беспорядочно шевелить конечностями, пытаюсь найти свою голову. Это зрелище лишает меня остатков рассудка.

– А ну-ка вали отсюда! – произносит из мрака твёрдый, женский голос. Он звучит холодно и абсолютно безразлично, даже с нотками скуки. – Ишь, расшипелась. Убирайся, лавочка прикрыта.

Кукла, наконец, нащупывает голову. Встаёт, держа её в руках, прекращает конвульсии и вдруг рассыпается пеплом прямо перед моими глазами. Тут мне становится окончательно ясно: эротический сон закончился, оргазм явно отменяется. Яркие всполохи, исходящие из глубин меня, гаснут. В комнате теперь совсем ничего не видно.

– Макс, где ты нахватал этого дерьма? – её слова прозвучали прямо у моего уха, и я резко обернулся:

– Кто здесь?!

– Кто ещё тут может быть, конечно я. Доброй ночи! – Марина шагнула из темноты в откуда ни возмись появившееся пятно света и, спокойно смахнув с меча капли свежей крови, убрала его за спину в ножны. – Ну и темень у тебя тут сегодня! Где все эти красивые пейзажи, где море и песок, где жизнь, а?..

На этот раз девушка была одета неброско, будто заранее знала, что ей придётся прятаться в тени: её обтягивающие джинсы, армейские сапоги, майка и кожаный плащ – всё было иссиня-чёрным. Сняв перчатки, она убрала их в карман, а потом, так и не дождавшись от меня ответа, с юмором уверила:

– Ничего, сейчас наведём здесь порядок. Только, будь так добр, прикройся!

В её руках появилось белое махровое полотенце. Иронично прищурившись, волшебница скомкала ткань и, будто снежок, бросила им в меня. Поняв, что до этого момента стоял перед ней совершенно голым, я покраснел и наспех повязал полотенце вокруг пояса.

– Так-то лучше, – она шутливо щёлкнула пальцами, и её золотисто-жёлтая аура резко расширилась, заполнив и осветив собой всю спальню. Моя искорка вернулась. Моя путеводная звёздочка, как же я по тебе скучал!..

– Я так рад тебя видеть!

– Чем ты занимался сегодня перед сном?

– Эээ... мне обязательно отвечать?

– Необязательно. Я и так вижу, что посмотрелся на ночь каких-то несусветных гадостей, – Марина с напускным отвращением оттолкнула мыском сапога валяющуюся на полу плётку. – Но что ещё хуже, Макс, ты подключился к их эгрегору⁴. Я сейчас отрублю этот канал, надеюсь, что ты не против. Иначе суккубы так и будут лезть каждую ночь.

– Эгрегору? Суккубы?!

– Охотницы за сексуальной энергией. Они на самом деле не имеют собственной внешности и пола, но благодаря тому, что отлично считывают ментал⁵, могут принимать внешний вид людей, которые близко знакомы их жертве. Если вовремя не прервать связь с суккубом, то

---

⁴ *Эгрегор* (в оккультизме) – коллективное сознание группы людей, связанных общими эмоциями, мыслями и идеями, способное существовать самостоятельно и взаимодействовать с отдельным человеком, влияя на его пристрастия, настроение и убеждения.

⁵ Имеется в виду *ментальное тело* – согласно эзотерическим учениям, одно из тонких тел человека, содержащее в себе информацию в виде воспоминаний, идей, мыслей и мыслеобразов.

он выпьет мужчину до дна за пару месяцев. Так можно серьёзно заболеть или даже умереть, поэтому, что бы ты ни делал сегодня, никогда не повторяй этого больше. Замусорил себе всю ауру и к тому же помаячил ей перед нижним астралом⁶. Ты для тёмных лакомый кусочек, Макс. У них дефицит жизненной силы, а твоя, наоборот, бьёт ключом, особенно после того, как мы сняли блок. Вот они и слетелись будто шакалы на свеженькую плоть.

– Скажу честно, я ничего не понял, кроме того, что ты, похоже, опять меня спасла.

– В двух словах не объяснить, – Марина скромно улыбнулась. – В общем, тебе нужно сделать чистку, ты согласен?

– А что мне за это будет?

– Я от тебя не уйду.

– О, это аргумент! – я рассмеялся, одновременно и над её шуткой, и над самим собой. – Тогда, конечно же, я «за»!

– Возьми мою руку.

– С удовольствием!

– Я тебя кое-куда отведу. Сделай вместе со мной пару шагов. Только не пугайся, сейчас произойдёт небольшой спецэффект.

– Почему я должен испу...?

Договорить я не успел. До меня вдруг дошло, что я, оказывается, вовсе не стоял посреди комнаты, а лежал на спине в своей кровати и глубоко спал. Моё тело, укрытое одеялом, было неподвижным, а глаза, как и полагается – закрытыми, но при этом я смотрел откуда-то изнутри своей груди и видел всю комнату целиком, на 360 градусов.

Марина потянула меня вперёд, приглашая встать, и когда я попытался это сделать, в моих ушах почему-то чудовищно зашумело. Это было похоже на рябь ненастроенного телевизора – я видел перед закрытыми веками серый «снежок» и слышал противное, громкое шуршание. Плюс ко всему, меня довольно сильно трясло – лицо, ноги и кисти рук мелко пульсировали изнутри – поэтому я поднимался с кровати очень медленно.

Как я ни старался, я не мог усилием воли унять эту нарастающую дрожь, которая с каждой секундой становилась всё более дискомфортной. Слуховые помехи превратились в тяжёлый, невыносимый гул, заполнивший всю черепную коробку. Больше всего мне хотелось отступить назад, снова лечь на спину, расслабиться и уснуть поглубже, но Марина крепко и одновременно ласково сжимала мою ладонь, придавая мне храбрости. Показать ей трусом я не хотел, поэтому, задержав дыхание, ринулся навстречу хаосу ощущений.

В тот же момент всё вдруг резко прервалось. Гул стих, вибрации прекратились, будто бы кто-то щёлкнул по невидимой кнопке «off» и выключил сломанный телеприёмник. Я почувствовал себя так легко, словно вынырнул со дна какой-то беспокойной шумной реки на поверхность, где царил полный штиль.

Облегчённо сделав глубокий вдох, я чётко услышал своё дыхание со стороны. Это было очень непривычным, если не сказать шокирующим откровением: мои лёгкие сами по себе втянули воздух где-то позади меня. Грудная клетка, расширившись, с тихим стоном сузилась снова. Словно несмазанная металлическая деталь, она двигалась тяжело, урывками, со звуком, больше всего похожим на скрежет.

Знаете, я говорю «звук», однако на самом деле это всё же было скорее ощущение или осознание, потому что нас окутывала абсолютная, оглушающая, бьющая по ушам тишина. Губы Марины по привычке двигались, будто бы она говорила по-настоящему, но я не слышал ни её слов, ни своего собственного голоса. Мы общались скорее мысленно.

---

⁶ *Нижний астральный план* – прототип религиозного «ада», место обитания низших существ: бесов, демонов, душ грешников и прочей нечисти (в том числе и вышеупомянутых суккубов).

– Ты молодец, – девушка сильнее сжала мою руку в своей и поддерживающе кивнула. – Видишь, у тебя всё получилось. Только не оборачивайся! Лучше вообще пока не смотри назад.

– Ты представляешь, у меня пошли мурашки повсюду, – удивлённо затараторил я, – а потом меня затрясло и...

– Ты только что вышел из тела, Макс.

– Я что, умер?

Волшебница рассмеялась, и стоило мне взглянуть на её очаровательную, яркую улыбку, как я сразу успокоился. Не успев толком испугаться, я тут же лишился страха смерти. Моя грудь зажглась новым, преображённым чувством нежности к ней. Теперь я точно мог сказать, что таких девушек в реальности я никогда раньше не видел. Возможно потому что я раньше вообще не видел ничего вокруг себя – жил будто бы во сне. Спал наяву, со слившимися, плотно сомкнутыми веками. Сейчас же, когда я смотрел на неё не глазами, а своим раскрытым сердцем, у меня захватывало дух от необычайных, горько-сладких экстатических ощущений.

Тем временем, с трудом справляясь с хихиканьем, Марина, наконец, выдавила из себя:

– Прости, Максим, просто ты такой забавный. Неужели я похожа на убийцу?

– Вообще-то, знаешь, с этим мечом... – перед моим взором до сих пор стояла та жуткая сцена с отрубанием головы. – Ты с ним обращалась как настоящий палач.

– Ты неправильно меня понял, – невинно ответила девушка. – Я никого не убивала. Суккубы не живые, соответственно и умертвить их нельзя, я её просто прогнала отсюда.

– А почему ты не попыталась поговорить с ней?

– Вести диалог с этими существами бесполезно. Они нас не понимают и руководствуются исключительно инстинктами, как животные. А обычная реакция животного на чужака какая?

– Нападение?

– Именно. Решить конфликт с помощью беседы можно только в одном случае – когда имеешь дело с осознанным человеком, но никак не с агрессивным зверем. Если бы ты собирався в тёмный лес, где полно хищников, ты взял бы с собой не книжку по психологии, а средство самообороны, верно? Именно для этого я и ношу с собой оружие в астрале. Ну что, ты готов к путешествию? Я тебя не напугала?

– Наоборот, – я улыбнулся. – С такой опытной охотницей на суккубов мне ничего не страшно. Полетели!

– Тогда возмись покрепче за обе мои руки. И, пока ты не научишься тут ориентироваться, не отпускай меня, договорились?

– Я бы с радостью никогда тебя не отпускал!..

* * *

Астральный полёт оказался совсем не похожим на полёт птичий. Я не успел насладиться видом с высоты – мы, кажется, вообще не отрывались от поверхности. Просто привычные декорации, на которых был нарисован интерьер моей комнаты, вдруг упали, сложились, как карточный домик, и на их месте появились другие. Всё произошло за долю секунды. Следом за Мариной я пронзил пространство и время с головокружительной, космической скоростью и, разумеется, тут же растерялся, не понимая, где нахожусь. Молниеносная быстрота перемещения полностью меня дезориентировала. Единственное, что я сразу отчётливо ощутил – здесь было очень холодно.

Оглядываясь по сторонам в попытках узнать, куда меня занесло, я не видел ничего, кроме снега – чистого, нетронутого следами человека или зверя. Небо было безоблачным и настолько светлым, что сливалось с белоснежной, переливающейся яркими бликами, землёй. Линия горизонта терялась в этом искрящемся сиянии, и глаз с трудом мог её различить. Высоко над нашими головами светило солнце – лимонно-жёлтое, окружённое бледным туманным ореолом.

Я ступил вперёд. Идти было очень трудно, сугробы морозили и сковывали ноги, но всё же я сделал ещё несколько шагов, прежде чем без сил упасть на эту хрустящую, мерцающую белую перину. Моё лицо зарылось в снег, я приподнялся на оледеневших руках, которых уже почти не чувствовал, и понял, что через считанные секунды, если ничего не предпринять, мы замёрзнем здесь заживо. И, что самое интересное, никто не придёт нам на выручку, потому что это место необитаемо. Здесь никогда не ступала нога ни одного живого существа.

Моё сердце, скованное льдом, едва билось.

– Марина?..

В следующую секунду девушка упала со мной рядом, она тоже была похожа на одну большую ледышку. Её рыжие волосы, разметавшиеся по корке плотного наста, моментально покрылись снежинками.

– М-марин, – мои зубы стучали. – Тут хол-лодно. З-зачем мы сюда п-пришли?

Если уж и путешествовать в астрале, – отметил я про себя, – то куда-нибудь в жаркую страну, но не на Северный же полюс!..

– Мы на Южном, – поправила меня девушка, и я к своему ужасу понял, что она прекрасно слышит мои мысли. – Извини, я забыла тебя предупредить. Духовное очищение всегда происходит только через катарсис.

– Катарсис?!

– Тебе придётся дойти до высшей точки страдания, чтобы раскрыть свою внутреннюю силу.

– Откуда ты знаешь, что во мне есть какая-то сила? Я же совершенно обычный человек...

– Сила есть в каждом человеке, Макс, просто до определённого времени она дремлет. Это место поможет тебе пробудить свой внутренний огонь. Расслабься и доверься ему. Позволь ему согреть тебя и очистить.

– А что если у меня не получится?

– Ну, тогда ты замёрзнешь здесь насмерть, – без сюсюканий ответила Марина и добавила, поясняя. – Как и всегда никто не сможет помочь тебе, кроме твоей собственной души.

Пока мы говорили, моё тело совсем окаменело от холода. Я уже не мог пошевелиться и напоминал самому себе гипсовую статую, застывшую в комичной, неестественной позе. Моё дыхание остановилось, воздух больше не шёл в лёгкие. Веки покрылись инеем, губы потрескались. Сердце в груди болезненно сжалось и замерло. В моих глазах потемнело, я потерял сознание и вскоре, кажется, скончался.

Хм, постоит-ка, а разве я могу вот так взять и умереть? – вдруг пришла ко мне в голову здравая мысль. – Я же просто сплю. Да и физического тела у меня здесь нет, а это значит, что мне не страшен никакой холод.

Как только я так подумал, из самого центра моей груди вспыхнуло и разрослось белоснежное пламя. Мне стало не просто тепло, а даже жарко. Пульсируя, огонь поглощал меня, сжигая на своём пути все преграды – весь тот энергетический хлам, который я накапливал в себе годами. Тёмные места моей ауры светлели и постепенно исчезали под натиском этой искрящейся внутренней силы. Разрушались все привязки, блоки, недобрые пожелания, брошенные мне в спину. Разбежались враспылку все сущности, которые повадились питаться моими эмоциями и которых я по неосознанности сам кормил. Теперь в этом сверкающем своей чистотой месте не осталось больше ничего несовершенного – по цвету я слился со снегом, с небом, с невидимой линией горизонта, с кристально-белыми звёздами. Горячий как огонь и одновременно холодный как лёд, я был полностью неуязвим.

Мысли в моей голове иссякли. Закончились, сгорели вместе с остальным мусором. Постепенно я всё сильнее растворялся в пламени, теряя память о том, кем был, когда пришёл сюда. И, утрачивая себя, я приобретал нечто большее. Я испытывал неопишемое, растущее с каждой секундой, удовольствие.

Наверное, я мог бы навечно остаться здесь, но в какой-то момент волшебница мягко дотронулась до моего плеча и шепнула:

– Макс, пора возвращаться. Хорошего понемножку. Я провожу тебя.

Моё собственное имя неприятно порезало слух. Сейчас оно казалось мне чем-то не имеющим абсолютно никакой связи со мной настоящим. Оно вносило суету в тотальную безмятежность и непоколебимое спокойствие, с которыми я не хотел прощаться. Однако Марина была непреклонна. Взяв меня за руку, она, будто маленького ребёнка, отвела меня домой.

Когда мы вернулись в хорошо знакомую мне комнату, белый огонь погас, осталось только туманно-молочное мерцание, очерчивающее контур моей астральной оболочки. После ослепительной Антарктики ориентироваться в глубокой, кромешной темноте реального мира было очень сложно, я даже не сразу смог найти своё утопающее в черноте ночи физическое тело. Обернувшись на Марину, я задал ей немой вопрос. Девушка кивнула и подбадривающе подтолкнула меня к кровати.

Я ещё не решил, собираюсь ли просыпаться, но всё же сделал шаг навстречу себе. Потом ещё один. И ещё. Вгляделся в черты своего спящего лица, наклонился над ним, поднёс к нему ладонь, проверяя дыхание. Я почувствовал слабый выдох, а следом за ним вдох, и вдруг какая-то неведомая сила втянула меня через ноздри в мои же собственные лёгкие. Сопротивляться ей я не мог, выбраться тоже – словно песчинка, я оказался прочно заперт внутри гигантского пылесоса. Всё произошло так неожиданно и быстро, что я даже не успел попрощаться.

Я знал, что Марина ещё некоторое время продолжала стоять рядом с моей постелью, но обратиться к ней уже не мог. У меня не получалось даже взглянуть на неё, потому что мои глаза оказались закрыты, и, как бы я ни силился разлепить свинцовые веки, они мне не подчинялись. Тяжело гудящее тело, похоже, вообще не торопилось передавать мне бразды правления. Прошло несколько долгих, абсолютно беспомощных секунд, в течение которых я был полностью парализован, вынужденно наблюдая уже знакомый мне пёстрый «снежок», а потом всё внезапно погрузилось во мрак. Плотная вибрация, сотрясавшая мои обездвиженные конечности, прекратилась.

«Семь ноль две, Макс, – её тихий мелодичный голос прозвучал откуда-то сверху. – Береги себя».

Я вскочил на кровати и поспешно включил ночник. В комнате, помимо меня, никого не было.

Глава 7. Смертельно опасно

Утром я ехал на работу с большой охапкой цветов.

– Вот я на тебя смотрю, – незамедлительно хихикнул Алекс, – и всё думаю: когда же ты наконец поймёшь, что неправильно с бабами обращаешься?

– В смысле? – удивился я. Нет, я конечно не отрицал, что в который раз обошёлся с Танечкой неправильно, но Коршунов-то об этом пока ещё не знал.

– Ты цветы постоянно даришь после секса, – подметил друг.

– Ну да, так получается. А как надо?

– А надо, разумеется, до. Ладно, давай-ка лучше колись, чем на этот раз провинился?

Вздохнув, я пересказал товарищу события прошлой ночи.

– Ага, сабдроп⁷ с ней, значит, приключился – со знанием дела резюмировал Саша, выслушав мой рассказ об интимных играх с Танечкой. – Ничего, у новичков это бывает. Оклемается. А вы, мистер Грей, в следующий раз силу-то рассчитывайте. Нижняя может и не сообщить, что ей плохо. Если притихла – это как минимум повод обеспокоиться.

– Я и правда переборщил. Когда она замолчала, я подумал, что ей стало скучно... Хотел её хорошенько припугнуть, чтобы больше не просила меня заниматься такой ерундой.

– Ну и как, припугнул? – на губах Коршунова играла ироничная ухмылка.

– Угу, а заодно и себя. Теперь следующего раза точно не будет, – пробурчал я. – погоди, а ты что, тоже этим занимаешься?!

– Сейчас уже нет, но раньше бывало. Так, для общего развития.

Я искоса взглянул на товарища. Я всё ещё не терял надежды узреть, какие пятьдесят оттенков прячутся в его невидимой ауре. Мне всегда казалось, что он утаивает от меня гораздо больше фактов из своей биографии, чем раскрывает – ведь несмотря на то, что я был его лучшим другом, я толком не знал о нём никаких личных подробностей. Поэтому иногда я с трудом мог понять, серьёзно он говорит или шутит. Вот и сейчас, как обычно, я ничего не смог прочесть ни в выражении его лица, ни в энергетике, будто бы её вообще не было. Пусто, ни единого намёка на какой-либо цвет. Разве такое возможно?..

Войдя в бухгалтерию, я с облегчением отметил, что девушка выглядела чуть бодрее, чем ночью, правда она всё равно поприветствовала меня как-то безрадостно и была немногословной. Тихо поблагодарив за цветы, которые смотрелись чересчур яркими на фоне её тёмной блузки, она поставила их в вазу, а потом сослалась на большое количество работы и выставила меня из кабинета.

Сев за рабочий стол, я никак не мог собраться с духом, чтобы приступить к делам. Из головы у меня не выходил образ Танечки – погасшие глаза, отсутствие каких-либо эмоций на лице, тусклая одежда и не менее тусклая светло-серая аура. И хотя Алекс был уверен, что через пару дней её «отпустит», я всё равно переживал, чувствуя себя причастным к её депрессии.

Говорил же я Сашке: рано меня с кем-то знакомить, ничего хорошего из этого не получится. Подумаешь, год без секса. Надо было ещё немного подождать, до тех пор, пока окончательно забудутся мои предыдущие отношения...

Я держал в руках нашу общую фотографию, ту самую, в розовой рамочке, и чем дольше я смотрел на неё, тем больше погружался в свои невесёлые мысли. Я настолько глубоко уто-

---

⁷ *Сабдроп* – ряд негативных физиологических (вялость, слабость, озноб, обморок) и психологических (стресс, депрессия, повышенная тревожность) реакций, которые могут возникнуть у подчиняемого в результате некорректно проведённой БДСМ-сессии.

нул в размышлениях о том, как теперь можно всё исправить, и можно ли вообще, что совсем не заметил приближающегося начальника отдела. Я непреднамеренно продолжал его игнорировать даже когда он подошёл вплотную ко мне. Немного подождав, он привлёк моё внимание голосом:

– Васильев в больнице, займись его делами, – и бросил мне на стол толстую папку.

Только дел Васильева мне для полного счастья не хватало.

Пока я прикидывал как бы покоректнее ответить, Анатолий, испытывая острый дефицит моего внимания, моментально распалился. Выхватив у меня из рук рамку с фото, он со всей силы швырнул её на пол.

Тонкое стекло хрустнуло, из центра по нему расплзлось несколько витиеватых трещин. Большие Танечкины глаза, теперь смотрели на меня снизу вверх сквозь паутину осколков. Я похолодел, одновременно и от ужаса, и от негодования.

– Своей личной жизнью занимайся по ночам, а днём в офисе изволь работать! – ничуть не смутившись, изрыгнул босс и для усиления эффекта прикрикнул. – И вообще, встань, когда с тобой разговаривают!

Дважды упрашивать меня не пришлось. Я моментально очнулся и поднялся с кресла. А в следующую секунду я молча взял его за грудки и, едва отдавая себе отчёт в своих действиях, ударил плотно сжатым кулаком в искривлённую от злости физиономию.

Левый глаз начальника моментально покраснел и опух буквально за пару секунд, веко налилось насыщенно-багряным цветом. Прикрываясь рукой, он отвернулся от меня и попытался обратиться в бегство, но я схватил его за загривок, снова развернул и приложил лицом к столешнице, разбив вдобавок ещё и бровь. На этом, к счастью, меня остановили вовремя подоспевшие коллеги, за что я им впоследствии был очень благодарен.

Без сомнения, причина драки заключалась вовсе не в хамских поступках Анатолия Викторовича, к которым я давно уже привык. Поколотил я его скорее по своим субъективным мотивам: из-за невыносимого чувства безысходности. Я понимал, что наши отношения с Танечкой давно дали трещину, а стекло, разлетевшееся на мелкие кусочки, в который раз мне об этом напомнило. Я разозлился даже не на Анатолия, а на саму Вселенную за то, что она указала мне на моё слабое место. Анатолий просто не вовремя попался под руку.

Однако так легко смириться с его произволом я не мог. Что-то лопнуло у меня внутри – наверное, это было терпение – и теперь пульсирующий ярко-жёлтый свет, исходящий из моего живота, волнами растекался по пространству. Он распространялся во все стороны как минимум метра на полтора, я буквально тонул в нём. Раньше за своей аурой я такого не замечал. Наоборот, до этого дня моё солнечное сплетение инстинктивно сжималось при виде босса, сейчас же там бурлила неугомонная, огненная, бунтарская сила. Именно она подстегнула меня продолжить бой, даже когда Анатолий трусливо убежал в свой кабинет.

С неподдельным чувством того, что поступаю справедливо, я позвонил Алексу.

– Саш, – забыв поприветствовать друга, проговорил я в трубку, стараясь унять злость в голосе, – помнишь наш разговор про руководство отделом? Так вот, я готов.

Коршунов, разумеется, тотчас заподозрил что-то неладное (такая решительность ранее мне была вовсе не свойственна). А уж когда он, прилетев в наш кабинет, узрел яркий фингал под глазом Анатолия, то ему сразу стала понятна вся суть дела. Внимательно всмотревшись в моё лицо и изучив его на предмет повреждений, он легко вычислил нападающую сторону и лаконично заключил:

– Максим Олегович, приведите себя в порядок, успокойтесь и зайдите ко мне.

Коллеги, только сейчас очнувшиеся от шока, тут же начали что-то хором тараторить, перебивая друг друга. Они пытались рассказать о причинах драки, чтобы отмазать меня от возможного наказания, но Саша делал вид, что не слышит их. Он присел и спокойно поднял с пола

разбитую рамку. Ничуть не боясь порезаться, щёлкнул замочками, вытащил фотокарточку, отряхнул её и с заметной аккуратностью поставил обратно ко мне на стол.

– Анатолий Викторович, а вы себя приведёте в порядок уже дома. Вы уволены. Да, и вызовите уборщицу, пусть подметёт здесь, – невозмутимо добавил он и покинул помещение.

Получасом позже, ходя туда-сюда по своему длинному кабинету, Алекс, будто бы оправдываясь, размышлял вслух:

– Я, конечно, твой друг. И я всегда буду на твоей стороне. Но, пойми, я по совместительству ещё и владелец компании. Я должен уметь беспристрастно оценивать любую нештатную ситуацию. Поэтому я пришёл к выводу, что сейчас не время повышать тебя до начальника отдела. Ты ничего хорошего за сегодня, мягко говоря, не сделал, чтобы я тебя повышал. Даже наоборот. И, к тому же, меня в последнее время серьёзно смущают эти твои рассказы про ауру, чакры и прочую шизофрению. Тебе нужно разобраться с текущими проблемами, а не брать на себя новые обязанности. Так что, Макс, без обид, ладно?

– Я всё понимаю, Саш. Какие могут быть обиды.

Не сказать, чтобы я сильно расстроился, а обижаться и вовсе не видел нужды. Напротив, я стал ещё больше уважать товарища за его способность рассуждать хладнокровно и трезво. Тем более, что он постарался учесть в том числе и мои интересы – Анатолия всё же уволил, а гору дел Васильева, который накануне неудачно сломал ногу, справедливо поделил поровну между всеми сотрудниками.

Заметив, что я утихомирился, Коршунов, видимо, решил подкрепить успокоительный эффект от нашего разговора, поэтому спросил:

– Ну ладно, раз ты больше не злишься, тогда скажи мне, кого поставить над тобой в руководство? Что если Руслана?

– Хорошая идея, – откликнулся я примирительно. – Правда. Ничего против него не имею.

– Вот и отлично. Может, выпьем чайку? – он занёс руку над переговорным устройством, чтобы связаться с секретарём, но я жестом его остановил:

– Мне надо ехать. Спасибо, Сашка!..

Намереваясь побыстрее расправиться со свалившимися мне на голову рабочими задачами, я снова мотался по столице до позднего вечера. Как назло, клиенты находились на разных концах города, а их внезапно созрело целых пять.

Путешествуя от одного покупателя к другому, я колёсами своего «пежо» начертил на улицах Москвы невидимую пентаграмму⁸, причём под конец дня ещё и обвёл её в круг – из-за пробок в центре прокатил немало десятков километров по МКАДу в надежде попасть домой до полуночи. Правда, это всё равно мне не удалось. Когда я переступил порог квартиры, часы в прихожей показывали 0:50.

В общем, наверное вы поняли, каким уставшим я лёг в итоге в кровать. Я был выжат и физически, и морально, поэтому едва моя голова коснулась подушки, моё тело отключилось. Мозг же, перегруженный насыщенными событиями, какое-то время ещё продолжал бодрствовать, пытаясь разложить по полочкам полученную днём информацию. Он-то и подсказал мне в один прекрасный момент, что я, оказывается, уже давно спал. Попробовав пошевелить рукой, я с ним согласился – конечности снова совсем меня не слушались.

«А что если попробовать прямо сейчас ещё раз выйти в астрал и найти Марину?» – как только я так подумал, меня мгновенно, за одну секунду, вышвырнуло из тела. Подобно пробке от шампанского, я молниеносно взлетел под потолок и завис там, потрясённо глядя на себя

---

⁸ Пентаграмма – рисунок в виде пятиконечной звезды, расположенной внутри круга – магический символ, который используется в различных оккультных и ритуальных учениях.

со стороны. Зрелище это по-прежнему было для меня довольно пугающим. Наверное, нужно время, чтобы к такому привыкнуть.

Когда-то давно я читал в книжке, что для того, чтобы перемещаться по астральному миру достаточно одной только силы мысли. Судя по всему, так оно и есть, ведь стоило мне подумать о полёте, как моё желание тут же осуществилось.

Я попытался сконцентрироваться на образе Марины. Представил её себе настолько подробно, насколько мог: ощутил тонкий аромат её кожи, услышал мелодичный голос, увидел яркую, переливающуюся золотую ауру – это было вовсе не сложно, ведь я и так постоянно вспоминал о ней наяву. Результат не заставил себя долго ждать – уже в следующий миг непонятно откуда взявшийся порыв ветра подхватил меня и, словно пушинку, унёс прочь от дома.

Когда вихрь стих, я осмотрелся и обнаружил себя в утреннем лиственном лесу. Кроны высоких дубов, переплетаясь над моей головой, терялись в мягкой туманной дымке. Залитая тёплым солнечным светом трава под ногами была усыпана цветущими васильками. Вдалеке, спрятанный в деревьях, угадывался маленький деревенский домик. Именно туда я, недолго думая, и направился.

Сбоку от тропинки, по которой я шёл, росли густые кусты поспевшей малины. Раздвигая их, чтобы освободить себе путь, я отчётливо чувствовал, как налитые соком, шершавые ягоды касаются моих ладоней. Всё было таким насыщенным и реальным – ощущения, запахи, пение птиц, цвета...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.